

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

Я
иду
искать

Сновидения Ехо

Макс Фрай

Я иду искать

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Я иду искать / М. Фрай — «АСТ», 2016 — (Сновидения Ехо)

ISBN 978-5-17-095334-9

Это книга о любви, в которой следует быть нерасчетливым и беззащитным, о смерти, с которой надо уметь правильно обращаться, о силе отчаяния, горьком вкусе счастья и ослепительной харымурде всевластия. А еще о ботанике, музыке, географии и международной политике, как же без нее. В идеале эту книгу следует прочитать дважды: наяву и во сне, потому что некоторые ее эпизоды не могут быть пересказаны словами, зато присниться могут каждому; другой вопрос, удастся ли вспомнить их наутро, но надо стараться. Книга публикуется в авторской редакции

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-095334-9

© Фрай М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Макс Фрай

Я иду искать

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

– Получилось! – воскликнула Меламори. И так самодовольно ухмыльнулась, что кто угодно на ее месте выглядел бы законченным болваном.

Она, собственно, именно так и выглядела, но я был слишком рад ее видеть, чтобы придираться. К тому же вряд ли следует упрекать человека за то, что он приснился тебе с не самым удачным выражением лица. Чей сон, на том и ответственность. По-моему, так.

Меламори тем временем позеленела и задрожала, как поверхность озера в ветреный день, но, спохватившись, коротко выругалась и снова приняла обычный вид. Такова сила вовремя произнесенного бранного слова – даже во сне.

– Ужасно трудно, – пожаловалась она. – Я рада тебя видеть, а это отвлекает.

– От чего?

– От всего. В смысле от процесса. Я же тебе не просто так снюсь. То есть не потому, что ты, например, соскучился и думал обо мне весь день, а потом сознание обработало информацию и выдало нужную картинку. А потому, что я сама решила тебе присниться. И, как видишь, сделала! Я – это именно я, а не бессмысленная игра воображения. Пришла в твой сон, как наяву ходят в гости. Только задержаться тут, оказывается, непросто. Как в степи во время урагана – в любой момент может подхватить и унести, а зацепиться толком не за что. Собственное внимание и воля, она же упрямство – вот и все опоры. Поэтому не удивляйся, если вдруг исчезну, не попрощавшись. Я и так делаю, что могу... Эй, ты чего так на меня смотришь? Как будто до сих пор не знал, чему я учусь в Арварохе. Или думал, у меня никогда не получится?

Я и правда таращился на нее во все глаза. И прикладывал грандиозные усилия, чтобы не проснуться от удивления. К счастью, в некоторых снах для этого достаточно просто спокойно дышать.

Не то чтобы подобное произошло впервые. Наоборот, очень много важных знакомств, событий и разговоров случались со мной именно во сне. Но люди, которые до сих пор по своей воле приходили в мои сновидения или забирали меня в свои, были настолько могущественными колдунами, что я даже не особо задумывался, как им это удастся – ясно же, что некоторые удивительные существа способны вообще на все. А тут – не «удивительное существо», а просто Меламори. Лучшая в Мире девушка, не вопрос, но за годы, проведенные вместе, я как-то привык считать ее «младшей», гораздо менее умелой и опытной, чем я сам. Причем тот факт, что ей легко удаются некоторые вещи, к которым лично я даже не представляю, как подступиться, ничуть не убавлял моей снисходительности. Обычное заблуждение, когда речь заходит о самых близких людях, которых мы не раз видели в минуты слабости и с какого-то перепугу решили, что эти незначительные эпизоды и есть сокровенная правда о них.

«Какая она у меня умница – и во сне между Мирами путешествовать выучилась, и в Муррийского Демона Гнева всего за пять минут превращается», – с умилением думал я, глядя на Меламори. И, щедро осыпав ее ободряющими комплиментами, возвращался к своим «взрослым» делам. Якобы по-настоящему непростым.

Удивительно, но я только теперь понял, как был несправедлив; похоже, во сне я гораздо умнее, чем наяву. И твердо решил исправиться. Прямо сейчас. Куда еще откладывать.

Просто разговаривай с ней, как, например, с Джуффином, – сказал я себе. – Его-то ты не хвалишь за достижения, а просто смотришь, распахнув рот, и думаешь: «Ну ни фиги себе! Я тоже так хочу».

– Ну ни фиги себе! Я тоже так хочу, – произнес я вслух. Хвала Магистрам, очень искренне.

– А ты не умеешь? – недоверчиво спросила Меламори.

Она-то меня как раз здорово переоценивает. С первого дня.

Я отрицательно помотал головой.

– Время от времени выясняется, что кто-нибудь видел меня во сне и даже получил помощь или разумный совет – это от меня-то, прикинь! Но лично я ничего для этого не делаю. И далеко не всегда помню, что это вообще было. Совершенно случайно выходит, а значит, не считается.

Завершив чистосердечное признание, я принялся оглядываться по сторонам. Одно дело, когда просто безответственно дрыхнешь после условно трудного дня и видишь во сне, что придется. И совсем другое, когда вольно или невольно оказываешься участником чужого магического эксперимента. Сразу становится интересно, что происходит вокруг.

Вокруг, впрочем, происходила всего лишь моя спальня, примерно такая же, как наяву, только стены слегка светились, узоры на одеяле резво разбегались в разные стороны, а потолка не было вовсе, но вряд ли это так уж важно. Подумаешь – потолок. Непроницаемая тьма, бес тактно намекающая созерцателю на ледяную бесконечность равнодушной к нему Вселенной, вполне сойдет.

– Ты прав, не считается, – согласилась Меламори. – Случайно присниться другому человеку любой дурак может. Мы все это время от времени проделываем, обычно сами того не зная. Но присниться намеренно и осознанно, не владея соответствующей техникой... нет, ну тоже можно, конечно. Если ты такой могущественный колдун, что тебе никакие правила не писаны. Или если очень повезет. Но лучше все-таки просто освоить конкретный прием.

– Что за прием?

– А ты не проснешься, если я стану объяснять?

– А должен?

– Понятия не имею. Но мне говорили, что большинство сновидцев просыпаются, когда им начинают давать какие-нибудь полезные инструкции. Вроде бы это такая защитная реакция человеческой психики, которая вечно настороже, потому что боится зайти слишком далеко.

– Есть такое дело, – согласился я. – Боится – не то слово. Обычно достаточно просто осознать, что спишь и видишь сон, и все, привет. Подбрасывает, как будто током стукнуло...

– Чем стукнуло?

– Неважно, – твердо сказал я, поскольку читать лекции об электричестве человеку, не имеющему о нем ни малейшего представления, я не готов даже наяву. – Вздрагиваешь, как от удара, и просыпаешься. Но я, хвала Магистрам, уже научился это контролировать. Причем более-менее всегда, а не раз в год под настроение, как раньше.

– Это ты большой молодец. А то глупо получилось бы: «Привет, я тебе снюсь!» – «Снишься? Ой!» – и все. Я бы, наверное, страшно рассердилась. Потому что ты не представляешь, как это трудно! Примерно как мысленно выстрелить собой из бабума¹ прямо тебе в лоб. Причем надо быть и стрелком, и рогаткой, и снарядом, и его полетом, и даже отчасти целью. То есть твоим лбом – чтобы не давать тебе увернуться.

– А я уворачивался?

– Ага. Цель почему-то всегда старается ускользнуть. Я даже сперва думала, ты нарочно не даешь тебе присниться, не хочешь, чтобы у меня получилось. Можешь представить, как я на тебя злилась!

---

¹ *Бабум* – большая металлическая рогатка, из которой стреляют мелкими взрывными шариками; штатное оружие рядовых солдат и полицейских Соединенного Королевства.

– Ты что, правда так думала? – изумился я. – Интересно, с кем ты была знакома все эти годы? Явно не со мной.

– Да ладно тебе, – отмахнулась она. – А то ты не знаешь, как я бешусь, когда у меня что-то не получается. Кого угодно врагом объявлю, лишь бы не ощущать себя беспомощной неумехой. Но мне объяснили, что твоя воля тут совершенно ни при чем, проблема в самой природе сновидений. Таким образом, ты был оправдан, а я официально признана тупицей. Но, как видишь, не совсем безнадежной!

– Тоже мне открытие. Вообще-то у тебя уже давным-давно получались вещи покруче, чем просто присниться, – напомнил я. – Например, уснуть в одном месте, а проснуться в другом. И не в каком-нибудь дурацком чужом сне, а наяву. На другом материке и даже в другом Море. По-моему, так вообще больше никто не умеет. Даже про Короля Мёнина ничего подобного не рассказывают.

– Да, – согласилась она. – Но подобные штуки как раз вполне можно вытянуть на одном вдохновении, если силы достаточно. А когда ее больше, чем надо, все вообще случается само. Но это уже называется не «совершить чудо», а «влипнуть в историю». Помнишь, как я перепугалась, когда внезапно проснулась у тебя на улице Старых Монеток? Решила, это ты меня вероломно заколдовал, чтобы затащить в постель без проволочек...² Кто ж тогда знал, что у меня просто такой специальный талант к путешествиям в сновидении. А твое желание заполучить меня в гости просто сработало как катализатор.

И улыбнулась так мечтательно, словно это роковое недоразумение, плавно переросшее в многолетнюю драму, было самым приятным из наших общих воспоминаний.

Впрочем, совершенно не удивлюсь, если Меламори действительно так на это смотрит. Закончилось-то все в итоге очень даже неплохо. И достаточно давно, чтобы успеть выбросить из головы неприятные подробности. Хотел бы я тоже так уметь.

– Если бы не этот мой врожденный талант, арварохские бурибухи ни за что не стали бы со мной возиться, – сказала Меламори. – Пока я к ним не заявила, они были уверены, что люди вообще не созданы для настоящей магии – ну, то есть для той, которая интересует их самих. Разве только старые кейифайи³. По крайней мере, иногда, пребывая в особо благодушном настроении, мои бурибухи соглашались признать, что отдельные уандукские мастера, которых им доводилось видеть в деле, были не совсем безнадежны.

– А тубурцы?

Она поджала губы и практически нахохлилась, как самый настоящий надменный бурибух.

– Что – тубурцы?

– Ну вроде бы считается, что они непревзойденные мастера сновидений, – осторожно сказал я. – Столько о них слышал, что даже удивлялся, почему ты не отправилась учиться в Тубур? Но не спрашивал, чтобы не получить в глаз.

– И правильно делал, – без тени улыбки согласилась Меламори. – Чему это, интересно, я должна учиться в Тубуре?

– Да не то чтобы должна. Просто у них же все учатся... Эй, не смотри на меня зверем, я знаю, что ты – не «все». Но, скажем, Его Величество в полном восторге от тубурской сновид-

---

² Речь о событиях, описанных в повести «Жертвы обстоятельств».

³ *Кейифайи*, которых в Хонхоне иногда называют «эльфами» – раса, изначально населявшая материк Уандук. Они считаются бессмертными, что скорее всего правда, поскольку ни одного чистокровного кейифайя, умершего от дряхлости, пока никто никогда не видел. Потомки от их браков с людьми и крэйями, населяющие сейчас Уандук и отчасти Соединенное Королевство, расположенное на месте земель, в древности завоеванных уандукским королем Ульвиаром Безликим, обычно живут довольно долго, но все же не вечно. О древних кейифайских семьях, которые до сих пор живут в Уандуке, их тайной магии и удивительных возможностях рассказывают великое множество завиральных легенд, которые на практике обычно оказываются не преувеличением, а изрядным преуменьшением.

ческой школы. И любит говорить, что если бы родился никому не интересным младшим принцем, не раздумывая, отправился бы в Тубур. Вряд ли он совсем не разбирается в предмете.

– Ну, положим, Король не обязан быть авторитетным экспертом по всем вопросам без исключения, – заметила Меламори. – Сомневаюсь, что он перепробовал все существующие в Мире практики сновидений и определил наилучшую. По крайней мере, у арварохских бури-вухов Его Величество точно ни дня не учился, а то я бы знала...

Она вдруг засияла тусклым красноватым светом и начала понемногу дымиться, как тлеющая головня, но не обращая на это ни малейшего внимания, продолжала говорить:

– Ладно, на самом деле я тоже не великий эксперт. И не выбирала, у кого учиться. Кто первым позвал, к тем и пошла. Но сейчас, узнав побольше, понимаю, как мне повезло! Потому что хваленая тубурская школа сновидений предполагает полную отстраненность от жизни наяву. «Сны отдельно, – говорят их мастера, – а бодрствование отдельно». И непременно добавляют: «И оно никому не интересно». А мои бури-вухи считают сновидение наилучшим инструментом управления реальностью. Я этому рада, поскольку, как всякий нормальный человек, жажду власти над Миром...

– Власти над Миром?! Как всякий нормальный человек? – ошеломленно переспросил я.

– Ну да. Было бы чему удивляться. Ты и сам...

– Я?!

– Ну естественно! – рассмеялась Меламори. – А, ты наверное думаешь, что «власть над Миром» это – ну как, помнишь, Джуффин рассказывал про своего бывшего ученика, который устроил Мормору⁴? Когда ты выше всех на три головы, владеешь несметными сокровищами и безнаказанно мучаешь всех, кого захочешь? А меж тем настоящая власть над Миром это просто способность изменять его своей волей. Без желания изменять Мир в магии делать, на мой взгляд, нечего. Ну вот разве что и правда к тубурцам податься. И скакать по бескрайним просторам их сновидений, пока не надоест. Но мне, подозреваю, очень быстро надоело бы. Примерно за полчаса до старта.

– Наверняка, – согласился я. – Хорошо все-таки, что в Мире есть арварохские бури-вухи. И что они не проморгали свой шанс заполучить тебя в ученицы.

– По-моему, просто от удивления, – улыбнулась Меламори. – Человек – и вдруг почти такой же способный, как их птенец! Помнишь, как Шурф в свое время взялся обучать Дримарондо – ух ты, говорящий пес! Интересно, а читать он научится? Ну надо же, умеет. А статью из учебника по философии поймет? И содержание перескажет? И разумные выводы сделает? А если дать ему что-нибудь посложнее? Ого, справляется! А не записать ли его вольнослушателем в Королевский Университет?.. Сам понимаешь, ни с одним обычным необразованным человеком он бы столько возиться не стал, но говорящая собака – это так неожиданно и забавно, что можно и постараться. Любопытно же, что из этого получится. Со мной и арварохскими бури-вухами вышла ровно та же история.

Насколько я успел изучить бури-вухов, живущих при нашем Управлении Полного Порядка, Меламори была совершенно права. Лучшие из нас, включая самого шефа Тайного Сыска, кажутся им примерно такой же забавной диковиной, как нам говорящие собаки. А все остальные – ну, просто красивые. И умеют печь вкусные пирожные. Ничего сверх этого бури-вухи от нашего брата обычно не ждут.

Голос Меламори по-прежнему звучал звонко и ясно, но выглядела она с каждой секундой все менее достоверно.

– Эй, а ты знаешь, что слегка почернела и стала совсем прозрачная? – спросил я. – Это нормально? Так и надо?

---

⁴ Речь о событиях, описанных в повести «Властелин Морморы».

– Совершенно нормально. Но при этом лучше бы не надо, – вздохнула она. – Просто начинающим путешественникам по чужим сновидениям, вроде меня, трудно подолгу сохранять неизменными и облик, и сознание. Поневоле приходится выбирать. Я решила, что главное – поговорить с тобой по-человечески. А если сконцентрируюсь на неизменности облика, стану, наверное, жуткой дурой. Или вообще забуду, кто я такая. Или просто перестану тебя узнавать, и тогда никакого удовольствия.

– Ну почему же, – оживился я. – Познакомились бы заново. Я бы опять тебе понравился, и все бы заверте...

– Вот это вряд ли, – усмехнулась она. – С момента нашего знакомства прошло много лет, и я здорово поумнела. Так что вряд ли повторила бы самую роковую ошибку своей дурацкой юности.

– Сердцу не прикажешь! – я показал ей язык.

– На самом деле очень даже прикажешь, – серьезно возразила Меламори. – Есть такой древний ритуал Освобождения Сердца, специально созданный для желающих срочно кого-нибудь разлюбить. И знаменитая на весь Мир уандукская любовная магия примерно для этого же придумывалась. И еще немножко для дополнительных удовольствий, которые можно получить после того, как мы благоразумно разлюбили всех ненужных кандидатов и полюбили правильных... Впрочем, у нас, в Угуланде, подобные уловки никогда не пользовались популярностью. В любви нужно быть нерасчетливым и незащитным, иначе нечестно. Слишком высокая ставка, чтобы жульничать! Поэтому ладно, пусть все остается как есть. Я даже не дам тебе в глаз за то, что так долго мне не снился, как собиралась поначалу.

– Это мне крупно повезло, – сказал я. – Но знаешь, я так соскучился, что и драке обрадовался бы.

– Ладно, – кивнула она. – Тогда в следующий раз с этого и начнем.

– Да начинай с чего хочешь. Лишь бы он был, этот следующий раз.

– Будет, – твердо пообещала Меламори. – Один раз получилось, значит когда-ни...

Договорить она не успела – исчезла. В смысле перестала мне сниться. Я все взвесил и тоже проснулся. Какой смысл оставаться одному в этой дурацкой сияющей спальне с темной бездной вместо потолка?

Наяву я тоже был один, но, по крайней мере, снова обрел надежный потолок над головой. Лежал, уставившись в него, улыбался, думал обо всем понемножку: о сновидениях, которые когда-то давно, в совсем другой жизни казались мне гораздо важнее всего, что происходило наяву, и, как выяснилось, не зря – в итоге, именно они и привели меня в мое нынешнее удивительное «наяву»; о Меламори, чья учеба у арварохских буривухов, хвала Магистрам, похоже, пошла на лад; о власти над Миром; о любви, в которой следует быть нерасчетливым и незащитным; о говорящем псе Дримарондо, редкостном счастливчике, как, впрочем, и все мы, оказавшиеся достаточно трогательными и забавными, чтобы с нами возиться. Удача мага, вовремя встретившего источник своей силы, обычно примерно так и выглядит. «Это что там такое смешное на краю бездны барахтается? – удивленно спрашивает Неведомое, оглядываясь по сторонам. – А ну-ка, смешное, дуй сюда, чего покажу!»

На самом деле действительно невероятное счастье. Не знаю, как Дримарондо и всем остальным, а лично мне до сих пор непросто поверить, что оно на меня свалилось. Может, это и к лучшему, а то бы вся моя жизнь превратилась в один непрерывный восторженный вопль. А так все-таки и делами иногда заниматься получается. И даже отвлекаться на глупости. Особенно отвлекаться на глупости! В чем-в чем, а в этом я, как показывает практика, настоящий мастер. Живая легенда, можно начинать трепетать.

* * *

– Гламитариунмайоха! – сказал я.

Ни разу, между прочим, не запнулся. Что не так уж удивительно, учитывая, что это была примерно сотая попытка. Описать невозможно, какой кровью она мне далась. Ненавижу талдычить одно и то же. Я рожден для наслаждений, а вовсе не для тяжелого систематического труда.

Однако случаются в жизни ситуации, когда без него не обойтись. Например, если надо разучить какое-нибудь заковыристое новомодное заклинание, открывающее перед дерзновенным кудесником волшебные врата в удивительный мир летающих пирожков. Или, как в моем случае, перестать наконец беспомощно блеять, пытаясь выговорить название самого обычного растения. Гла-ми-та-ри-ун-май-о-ха – это ж надо было до такого ужаса додуматься. А еще считается, будто ботаники – безобиднейший народ.

Однако моей готовности благодушно мириться с собственной немощью внезапно наступил предел. Поэтому я сел и вызубрил это грешное словечко. А что чуть с ума в процессе не сошел, так это в моем положении дело обычное. Одним поводом рехнуться больше, подумаешь. Переживу. Зато теперь есть, чем поразить в самое сердце человека, который давным-давно утратил надежду поднять мою образованность хотя бы до уровня умеренно успешного выпускника начальной школы.

– Гламитариунмайоха! – настойчиво повторил я, так и не дождавшись заслуженных аплодисментов.

Сэр Шурф вопросительно приподнял бровь.

– Это ты к чему?

– К тому, что я – гений, – надменно отвечал я. – Такое длинное слово так быстро выучил. И дюжины лет не прошло. Я думал, ты – единственный человек в Море, способный оценить это невиданное деяние. Но, похоже, ошибся. Так и буду теперь жить – непризнанным. Трагическая мне выпала судьба.

Мы сидели на крыше моего дома, прозванного «Мохнатым» – и вовсе не в честь легендарного основателя Ехо Халлы Махуна Мохнатого, как пытаются утверждать некоторые особо экзальтированные придворные историки, а по милости буйной вечнозеленой гламитариунмайохы, которой зарос по самые уши. В смысле по самые водосточные трубы или что там у зданий вместо ушей.

Я сидел здесь просто так, для собственного удовольствия. А сэр Шурф – потому, что я попросил его прийти. И, желая быть максимально убедительным в процессе переговоров, несколько злоупотребил наречиями – «немедленно», «безотлагательно», «тотчас». Иногда я впадаю в грех художественного преувеличения, следует это признать.

– То есть это и есть то самое «срочное дело», о котором ты говорил? – хладнокровно уточнил мой друг.

Назвать выражение его лица довольным можно было только с некоторой натяжкой. Однако для человека, которого только что оторвали от неотложных дел ради бессмысленной ерунды, он очень неплохо держался.

– Естественно, срочное, – подтвердил я. – Какое же еще? Потому что если ждать до ночи, когда ты наконец закончишь хотя бы половину своих утренних дел и придешь сюда добровольно, это грешное слово снова вылетит из моей головы. Особенно если ночь окажется послезавтрашней. И как я тогда, скажи на милость, буду похвально себя своими сверхспособностями? Нет уж, сейчас или никогда!

– Ты моей смерти хочешь? – меланхолично осведомился сэр Шурф. – Или воцарения хаоса в Соединенном Королевстве? Или просто развала Ордена Семилистника?

– Слушай, какой отличный набор! – восхитился я. – Беру все, заверни. Какое это, оказывается, зловещее заклинание – гламитариунмайоха! Знал бы, давным-давно разучил бы.

– Тебе даже заклинания ни к чему. И без них все отлично получается, особенно по части хаоса и развала. Вот прямо сейчас у меня в приемной уже второй час сидит глава нашей Гугландской резиденции. И старший Орденский казначей с отчетами о перерасходах, которые еще надо придумать, как возмещать. Не говоря уже о том, что мне придется принести официальные извинения руководству Канцелярии Забот о Делах Мира в связи с очередным переносом времени начала аудиенции, обещанной им еще три дня назад. Именно то, чего мне с самого утра не хватало – официально перед кем-нибудь извиниться. Спасибо тебе, сэр Макс.

Только теперь я понял, что он не просто играет свою излюбленную роль самого серьезного и занятого человека в Море, а действительно сердит. И на всякий случай воспроизвел в памяти специальное заклинание, очень полезное в тех случаях, когда приходится падать с большой высоты. Не то чтобы мой друг имел дурную привычку сбрасывать меня с крыши по всякому ничтожному поводу, но все однажды случается в первый раз. Так что некоторая предусмотрительность не повредит.

– И сорок семь прошений о пересмотре заключений комиссии по выдаче лицензий на магическую деятельность лежат на моем столе еще со вчерашнего вечера, – тоном смертника, диктующего свое последнее письмо потомкам, добавил Шурф. – А я в это время...

Он умолк, явно пытаясь подобрать более-менее пристойный аналог выражения «маюсь херней».

– А ты в это время сидишь на крыше, – подсказал я. – И собираешься пить непостижимый мистический чай, который зловещий я вот-вот, буквально с минуты на минуту достану для тебя из таинственной Щели между Мирами. Это только на первый взгляд кажется легкомысленным времяпрепровождением, а на самом деле гораздо важнее всех прочих твоих занятий. У каждого Великого Магистра должны быть неизречаемые тайны, способные ужаснуть непосвященных, иначе какой он, к лешему, Великий Магистр. Я решил, что внезапный побег ко мне на крышу в разгар рабочего дня – вполне себе неизречаемая тайна. Особенно в сочетании с тонизирующими напитками из иных миров. Для начала точно сойдет. А потом придумаем что-нибудь покруче.

Сэр Шурф посмотрел на меня с некоторым интересом. Такая постановка вопроса явно не приходила ему в голову.

Я спрятал руку под полую лоохи и достал из Щели между Мирами сперва старый зонт – просто для смеху, как в старые добрые времена, когда только начал осваивать этот полезный магический трюк, – потом какой-то неизвестный мне роман в бумажной обложке, специально чтобы порадовать Шурфа, который за любую книжку из другой реальности душу продаст, и, наконец, обещанную кружку чая. И кофе для себя. Гулять так гулять.

– Гламитариунмайоха! – сказал я, поднимая свою чашку, как бокал с вином.

Друг мой укоризненно покачал головой. Однако чай он пил с нескрываемым удовольствием, а книгу прижимал к сердцу столь страстно, словно в ней содержался какой-нибудь тайный рецепт беспредельного счастья. Впрочем, в его случае счастье – это сама книга, пока они вместе, никакие дополнительные рецепты не нужны.

– Все-таки не могу поверить, что ты позвал меня только затем, чтобы продемонстрировать выученное слово, – наконец сказал он. – Как-то это слишком. Даже для тебя.

– Во-первых, не слишком, а в самый раз. А во-вторых, победа над гламитариунмайохой – достойный повод напоить тебя чаем.

– Подозреваю, что дело не в слове, а именно в чае. Точнее, в том, что ты считаешь, будто мне надо время от времени делать перерывы в работе. Не то чтобы я был принципиально не согласен с твоей позицией. Будь моя воля, жизнь надолго превратилась бы в один бесконечный перерыв. Просто я пока не могу позволить себе такую роскошь.

– Совершенно верно, не можешь. Поэтому мне приходится выманивать тебя хитростью. Если, конечно, этот жалкий лепет про «срочное дело» можно считать хитростью. Хорошо, что тебе пока хватает здравого смысла вести себя так, будто ты мне веришь. Все-таки инстинкт самосохранения – великое дело. Хвала Магистрам, он у тебя есть.

– Не преувеличивай, – отмахнулся Шурф. – О самосохранении речи пока нет. Я достаточно выносив.

– Надеюсь, что так. А все-таки валять балду хотя бы полчаса в день – хорошая, полезная магическая практика. Особенно если проделывать это на моей крыше. Тем более, весной. От такого безответственного поведения наше существование прирастает смыслами со скоростью дюжина смыслов в минуту. Или вообще сто. Кто ж их станет считать, когда вокруг такое творится. Вся эта дурацкая прекрасная жизнь.

Для убедительности я воздел руки к небу, по которому стремительно неслись прозрачные сизые облака, неумело прикидывающиеся хмурыми тучами. Но меня не проведешь. Я точно знаю, что весной на небе бывают только облака.

– Конечно, ты прав, – неожиданно легко согласился мой друг. – И вот чему мне следовало бы у тебя поучиться.

– Быть правым? – рассмеялся я. – С этим ты и сам неплохо справляешься.

Но Шурф остался серьезным.

– Любить жизнь. Не отдельные ее составляющие, что легко удастся многим, включая меня, а весь процесс, целиком.

– Это, кстати, только здесь стало так, – сказал я. – После того, как я попал в Ехо. Теперь, задним числом, понимаю, что раньше вообще не умел любить. Только увлекаться и привязываться, надолго или нет – это уж как повезет. А этот город разбудил мое сердце. Или даже не разбудил, а развязал, как будто оно было перекручено узлом, а здесь вдруг вернулось в нормальное состояние. Не знаю, как еще описать. Но после того, как я оказался в Ехо, мне стало легко любить – все, что под руку подвернется. Например, жизнь. И весь Мир, который великодушно разрешил мне быть его фрагментом. Из меня получился очень счастливый фрагмент. Несмотря ни на что. И кстати, когда я в очередной раз притащусь к тебе с жалобами на тяготы существования, напомни мне этот разговор. В минуту слабости бывает очень полезно вспомнить, как в действительности обстоят дела.

– Договорились, – кивнул мой друг. – Напомню. А теперь придется тебе все-таки меня отпустить.

– Жалоба на тяготы существования номер один, считай, уже готова, – ухмыльнулся я. – Но что с тобой делать, иди. Тем более, у меня тоже дела. Не знаю, какие именно, но совершенно уверен: стоит мне спуститься с этой крыши на грешную землю, и они тут же обнаружатся. Кстати, это была жалоба на тяготы существования номер два. Ты уже готов рыдать от сострадания? Как – нет?!

Не то чтобы меня и правда пугали гипотетические грядущие дела. Скорей уж, перспектива полного их отсутствия. Впрочем, и она не особо пугала. В крайнем случае, – утешал я себя, – всегда можно просто отправиться в Дом у Моста. Тем более, что время уже перевалило за полдень. Причем довольно давно за него перевалило. Часа три, пожалуй, назад. Что в общем даже неплохо – теперь-то уж точно можно никуда не спешить. Все равно не поможет.

Спускаясь по лестнице, я, помню, думал: как же все-таки удивительно сложилась моя жизнь. Магия – ладно бы, к ней-то я уже давно привык. И даже к самому себе в качестве практикующего колдуна. А вот к тому факту, что я преспокойно могу заявиться на службу под вечер, выпить камры с начальством и снова уйти, или даже вовсе там не появляться по несколько дней кряду, поди привыкни.

Впрочем, насчет нескольких дней кряду – это только гипотеза. Я ее пока не проверял. Потому что, положив руку на сердце, это каким же надо быть дураком, чтобы пренебрегать счастливой возможностью болтаться в Доме у Моста, сколько душа пожелает. Есть, конечно, в моей жизни и более неистовые наслаждения, но их, во-первых, раз-два и обчелся, а во-вторых, от них я довольно быстро устаю.

Когда живешь в таком большом доме, как мой, очень хорошо иметь голову, способную подолгу и с удовольствием думать всякую ерунду. Всегда есть чем развлечь себя во время путешествий. Например, по лестнице, ведущей из башни в гостиную. Или из спальни в кухню – тоже не ближний свет. А плееры тут пока не изобрели. И, чувствует мое сердце, даже не планируют.

Гостиная, до которой я в итоге благополучно добрался, являла собой ледяную пустыню. Потому что на смену давешней фантастически теплой зиме внезапно пришла очень холодная ветреная весна. А привычка держать окна нараспашку при этом никуда не делась. В результате мы понемногу стащили в гостиную все имеющиеся в доме пледы и запасные одеяла. Если хорошенько закутаться, да еще обхватить окоченевшими руками кружку с чем-нибудь горячим, окна можно не закрывать, а мне того и надо. Поскольку, во-первых, неловко перед ветрами – нельзя же вот так внезапно отказывать им от дома. А во-вторых, закрывать окна в середине весны – дурная работа. Ясно же, что буквально на днях вернется долгожданное тепло, и тогда придется снова их открывать.

Ну, в общем, в гостиной было довольно прохладно. И до изумления пусто. Вот так живешь-живешь, окружив себя красавицами, чудовищами, кошками, собаками, зловещими колдунами и кровавыми убийцами, сходишь с ума от гвалта, который они поднимают, и думаешь, это немыслимое блаженство будет длиться вечно. Но потом красавица, утомленная регулярными превращениями в чудовище, удирает от тебя в Арварох ради дальнейшего магического самосовершенствования, чудовище, давным-давно благополучно превратившееся в красавицу, вероломно уходит в гости к соседям, псы отправляются в Королевский университет, где один читает лекции, а второй инспектирует студенческие карманы на предмет специально прихваченных для него леденцов, кошки заводят привычку дрыхнуть в теплой кухне, а колдуны и убийцы с утра до ночи пропадают на работе, что с них, злодеев, возьмешь.

И тогда недостижимая мечта о чудесной возможности выпить кружку камры в полном одиночестве внезапно становится реальностью, данной тебе в ощущениях. Причем вовсе не настолько приятных, как ты это себе когда-то наивно представлял.

Я не собирался рассиживаться в пустой гостиной. Хотел быстренько пересечь ее по диагонали и выйти на улицу. Весна, даже такая холодная, как нынешняя, – веский повод временно забыть о существовании не только Темного Пути, но и амобилера. И ходить всюду пешком, вытаращив глаза и возбужденно размахивая руками, потому что гулять по улицам Ехо весной – это счастье.

В другие времена года, Впрочем, тоже. Просто я очень давно не видел этот город весенним – несколько почти бесконечно долгих лет. И все эти годы не верил, что когда-нибудь еще увижу. Вернее, твердо знал, что не увижу никогда. Ошибался, как выяснилось. Я вообще довольно часто ошибаюсь. В моем случае это большая удача.

«Мне надо с тобой поговорить. Наедине. Это возможно?»

Я очень удивился. Даже и не помню, когда леди Кекки Туотли в последний раз изъявляла желание поговорить со мной наедине. Скорее всего, вообще никогда.

За несколько лет совместной работы я так и не успел толком с ней подружиться. Потому что Кекки перешла к нам из Городской Полиции по личному распоряжению сэра Кофы Йоха, который сразу взялся обучать ее профессии Мастера Слышащего, а такая работа поглощает человека целиком – все его время, все внимание, сколько ни кинь в эту топку, ясно, что мало,

и нужно срочно добавить еще. К тому же у них с Кофой тогда завязался бурный роман, а такое счастливое обстоятельство обычно превращает полное отсутствие свободного времени в отрицательную величину, мне ли этого не знать.

Поэтому с Кекки мы виделись в основном на совещаниях в Доме у Моста, да и то далеко не на всех. Обычно на совещания приходит сам Кофа, а Кекки в это время дежурит где-нибудь в городе, выполняя его очередное задание. Поди подружись с человеком в столь непростых условиях.

Я не сумел.

За полгода, прошедшие с моего возвращения в Ехо, ничего не изменилось. Кекки по-прежнему занята по горло, да и я, положив руку на сердце, только притворяюсь беспечным бездельником. Разве что выспаться мне сейчас удастся несколько чаще, чем в первые годы службы, когда Джуффин загружал меня круглосуточной работой – как я теперь понимаю, из милосердия. Чтобы у меня просто не оставалось времени и сил осознать, что со мной происходит, как следует это обдумать и спятить от ужаса, не сходя с места: АААААА! Я в другом мире! Тут все колдуют, и я, кажется, тоже! Как я это делаю?! Мамочки, спасите! ААААААА!!! – и бах в обморок, случайно испепелив напоследок безумным взглядом парочку ни в чем не повинных воробьев и одного Королевского курьера. И так триста раз на дню.

Мой беспокойный ум, конечно, все равно регулярно предпринимал попытки осмыслить происходящее в паническом ключе, но утомленный нечеловеческими условиями труда и адским распорядком дня, засыпал примерно на втором «а». Максимум – на третьем. Это, надо думать, всех и спасло. Все-таки нервы у меня совершенно ни к черту, были, есть и, подозреваю, будут, такой уж темперамент достался; для разумного взрослого человека – сущее наказание, но для угуландских колдунов, говорят, самое обычное дело. Так что я отлично вписался в местный культурный контекст.

В общем, когда леди Кекки Туотли прислала зов и объявила, что желает срочно поговорить со мной наедине, я удивился, да так, что в разговоре образовалась чрезвычайно невежливая пауза. Однако Кекки меня не торопила. Терпеливо ждала, когда я соберусь с мыслями и скажу ей хоть что-нибудь.

И в конце концов дождалась.

«Если ты не очень далеко от Мохнатого Дома, приходи прямо сейчас, – наконец сказал я. – Я пока тут, и, кроме меня, в гостиной никого нет. Сам глазам своим не верю, но факт остается фактом: я действительно один дома».

Дверь тут же распахнулась.

– На это я и рассчитывала, – ослепительно улыбнулась долговязая сутулая девчонка-газетчица, переступая порог.

Ничего удивительного, конечно. На то она и Кофина ученица, чтобы выглядеть как Магистры знают что. И быть в курсе, куда, когда и как надолго разбежались все мои домашние. И знать, что я сам пока никуда не ушел. И договариваться о встрече уже стоя под дверью, чтобы потом сразу вот так эффектно войти. Все мы мастера выпендриваться, особенно друг перед другом – где еще найдешь настоящих ценителей, если не среди коллег. Сэр Шурф, большой любитель превращать всякое мимолетное соображение в точную формулировку, сказал как-то, что свойственная большинству людей потребность производить впечатление на окружающих естественным образом усиливается в ходе занятий Очевидной магией, которая сама по себе, в первую очередь, эффектный жест, своего рода попытка соблазнения Мира, а уже потом средство достижения каких-то практических целей, нередко вообще придуманных задним числом, ради рационального оправдания своих вдохновенных действий.

Подозреваю, он совершенно прав.

Девчонка тем временем бросила на пол сумку с газетами, выпрямила спину, небрежно провела рукой по лицу, и миг спустя на меня смотрела настоящая Кекки Туотли, статная сероглазая красотка с такими правильными чертами лица, словно природа создала ее специально ради участия в каком-нибудь вселенском конкурсе классической скульптуры, а получив главный приз, на радостях отпустила свою лучшую работу к людям – пожить. Хотя мы, конечно, не заслужили.

– Так это ты сейчас орала под моими окнами: «Загадочное происшествие на улице Трюкачей, спешите узнать подробности»? – спросил я. – Удивительно громкий и противный у тебя голос. Сам бы хотел так уметь.

– Тебе-то зачем? – рассмеялась Кекки.

– Хорошее оружие. Кого угодно можно быстро свести с ума. Я такие штуки очень ценю.

– По моим сведениям, у тебя и без воплей под окнами совсем неплохо получается, – заметила Кекки, вынимая из сумки небольшой кувшин и еще какой-то круглый предмет, завернутый в полупрозрачную бумагу цвета печного дыма. Поставила все это на стол и сама уселась в кресло.

– Для незваной гостьи я вполне ничего, правда? Можно не ломать голову, чем меня угощать, я все с собой принесла. Камру из «Туманного Кирона»; на мой взгляд, она ничем не уступает Жижиндиной. И пирог оттуда же. Их фирменный, с так называемой «туманной сердцевиной»; на самом деле начинка – просто взбитый практически до состояния облака мясной фарш. Оно и к лучшему. Туман – это же просто вода. Нет в нем никакого вкуса.

Такой многословной Кекки на моей памяти не была никогда. Поэтому меня так и подмывало спросить: «Что стряслось?» Но я благоразумно помалкивал. Сама все расскажет. Затем, собственно, и пришла.

Поэтому я только и сказал:

– Ты отличная гостья. И дело вовсе не в пироге... хотя и в нем тоже, будем честны. Ради тебя я даже готов закрыть окна.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Кекки. – Я закаленная. И одета не по сезону, а по уму. Глупо убирать в сундук зимнюю одежду в первый же день года, только потому, что, согласно календарю, пришла весна.

Лоохи на ней и правда было зимнее – старое, явно с чужого плеча, что целиком соответствовало выбранной роли; тем не менее, сшили его из тонкой и очень теплой туланской шерсти. Я и сам в таком до сих пор ходил, руководствуясь ровно теми же соображениями. Какая разница, что там у нас на календаре, когда ветры так разгулялись. И городские сады никак не решаются зацвести. Правильно делают, я бы на их месте тоже с этим повременил.

– Слушай, а ты вообще помнишь, что я из-за тебя оказалась в Тайном Сыске? – спросила Кекки после того, как камра была разлита по кружкам, пирог разрезан, а я доведен затянувшейся паузой до крайней степени нетерпения.

Такого начала я точно не ожидал.

– Как это – из-за меня? Я совершенно точно не хлопотал перед начальством о твоём назначении. И вообще особо тебя не трогал. Только на вечеринку однажды затащил. Когда мы пинали балду за накрытым столом в Зале Общей Работы, а ты дежурила на половине Городской Полиции. И на всех нас сердилась, уже не помню за что... А, нет, помню! За факт существования сэра Мелифаро. И тебя можно было понять. Но я все равно отправился тебя утешать – с тайной целью заманить в нашу обитель зла и вероломно накормить. В чем и преуспел⁵.

– Ну видишь. Все ты прекрасно помнишь.

– Но...

---

⁵ Речь о событиях, описанных в повести «Корабль из Арвароха и другие неприятности».

– Никаких «но». Я же тогда разрыдалась у тебя на груди и проговорила, что по уши влюблена в Кофу. И ты ему меня тут же сдал, он потом сам признался. Кофе стало лестно, он решил ко мне присмотреться, и понеслось.

– Точно, – покаянно кивнул я. – Было такое дело. Мне тогда показалось, это хорошая идея – вас свести. Не знаю уж почему. Не удивлюсь, если ты пришла со мной поквитаться, и сейчас достанешь из-за пазухи какой-нибудь острый стилет. Или окровавленный топор. Прости, я совершенно ничего не знаю о твоих боевых навыках и эстетических предпочтениях. Я вообще довольно невнимателен к людям, все так говорят.

– Да ну тебя, – отмахнулась Кекки. – Топор ему подавай... На самом деле, это и была хорошая идея. Просто отличная. Во всех отношениях. И, как я сейчас понимаю, единственный мой шанс освоить идеально подходящую мне профессию. Кофа не раз потом говорил, что я – прирожденный Мастер Слышащий, не хуже, чем он сам, просто с поправкой на отсутствие опыта. Но признавался, что не взялся бы меня обучать, если бы не наш роман. Ему просто в голову не пришло бы искать и готовить себе помощника. Кофа считал, что и сам отлично справляется, пока не появилась возможность переложить на меня какую-то часть дел, малозначительных, но оттого ничуть не менее хлопотных. И вот тогда сразу стало ясно, что помощник был нужен позарез, с первого дня работы. И на самом деле хорошо бы еще парочкой обзавестись, но это Кофа отложил на потом. Он все-таки очень не любит обучать новичков, а пока был начальником Правобережной полиции, постоянно этим занимался. Представляешь, как ему надоело?

– Только теоретически, – невольно улыбнулся я. – Мне, хвала Магистрам, еще никогда не приходилось заниматься ненавистным делом на протяжении хотя бы сотни лет кряду. Ладно, неважно. В любом случае, я рад, что ты рада тому, как все в итоге сложилось.

– Однако, если ты думаешь, будто я пришла сказать тебе запоздалое спасибо за ту историю, ты глубоко ошибаешься, – вздохнула Кекки. – Следовало бы, конечно, лучше поздно, чем никогда. Однако вместо этого я собираюсь попросить тебя еще об одной услуге. Помоги мне уйти из Тайного Сыска.

– Что?!

Я ушам своим не поверил. Потому что, во-первых, совсем надо рехнуться, чтобы добровольно захотеть от нас уйти. А во-вторых, если все-таки случилось с человеком подобное несчастье, он может просто написать прошение об отставке и отправляться на все четыре стороны. Силой держать в Малом Тайном Сысском Войске никого не станут кроме, пожалуй, меня, но тут я сам виноват – проиграл ближайшие сто лет своей жизни в карты господину Почтеннейшему Начальнику, потому что не сумел изобрести другой способ позволить ему уговорить меня вернуться в Ехо. Однако с остальными сотрудниками, насколько мне известно, Джуффин в карты не играл, а просто подписывал вполне обычный контракт о найме на государственную службу. Вообще никаких проблем.

– Прости, я не с того начала, – улыбнулась Кекки. – Столько раз мысленно рассказала тебе эту историю, пока сюда шла, что поневоле стала думать, будто ты в курсе моих дел. А ты, конечно, не в курсе. Поэтому надо еще раз рассказать с самого начала. Теперь – вслух.

– Очень неплохая идея, – одобрил я. И отложил в сторону недоеденный кусок пирога. Не то чтобы он меня действительно отвлекал, но с набитым ртом довольно непросто изобразить сочувственное внимание. Некоторым, знаю, удастся, но я не такой виртуоз.

– Сэр Вахита Бурунагай в начале лета будет отозван с должности Старшего Мастера Дружественного Присутствия, иначе говоря, главного представителя Соединенного Королевства в Уандуке и руководителя всех наших тамошних посольств, – сказала Кекки. – Это решено окончательно, поскольку, с одной стороны, сэр Вахита уже довольно стар, и ему наскучили обременительные служебные обязанности. А с другой, Король, конечно, доволен его работой, но, скажем так, экстатического восторга все-таки не испытывает.

– То есть, в переводе с дипломатического языка на человеческий, Его Величество в ужасе от результатов деятельности этого бестолкового господина?

– Ты хороший переводчик, сэр Макс. Я бы и сама примерно так сказала, но, как лицо заинтересованное, вынуждена соблюдать предельную корректность в высказываниях.

– Как заинтересованное лицо?!

– Ну да. Штука в том, что Король хотел бы видеть на освободившемся месте меня.

Я сперва опешил – буквально на секунду-другую, просто от неожиданности. Но потом кивнул:

– А что, вариант. Даже мне ясно, что посол, который умеет собирать, скажем так, не самую очевидную информацию – бесценное сокровище. А способность найти общий язык с любой столичной рыночной торговкой, несомненно, позволит тебе легко договориться о чем угодно с любым придворным Куманского Халифа.

– И даже Шиншийского, – серьезно подтвердила Кекки. – Ты прав, сэр Макс, наши торговки куда менее сговорчивы, чем тамошние придворные. К тому же, я довольно красива, а это хорошо для официальных приемов. И при этом умею изменять внешность, в том числе без помощи Очевидной магии, которой в Уандуке толком не воспользуешься. Что, как ты понимаешь, может оказаться весьма полезно в перерывах между приемами. Я и правда неплохой кандидат на эту должность. И еще никогда в жизни ничего так сильно не хотела, как ее занять.

– Ну значит, все отлично складывается, – подытожил я. – Вы с Королем хотите одного и того же – счастливое совпадение. Чего тебе еще?

Кекки помрачнела.

– Видишь ли, на данном этапе мои шансы получить место Старшего Мастера Дружественного Присутствия, мягко говоря, невелики. Его Величество, к сожалению, совсем не уверен, что лишать Тайный Сыск одного из сотрудников – такая уж хорошая идея. Ясно, что он может просто приказать, его воля – закон. Но Король не хочет доставлять неудобства Джуффину и Кофе. И дело тут совсем не в политике. По крайней мере, не только в ней. Просто он же, понимаешь, такой же их преданный поклонник, какой когда-то была я сама. Тоже читал все эти истории о Кофиных полицейских подвигах в первых выпусках газет. А потом – о делах Тайных сыщиков; собственно, он до сих пор читает о нас все, что напишут, хоть и знает прекрасно, что правды в газетных статьях хорошо если два слова из дюжины. Будь Его Величество хоть сто раз абсолютный монарх, а Джуффин и Кофа в его глазах всегда останутся сказочными героями, окруженными романтическим ореолом. И Король совсем не жаждет становиться для них источником дополнительных проблем. Он даже неофициально, наедине говорить с ними о моей отставке не станет, поскольку прекрасно осознает, что в его устах любая просьба, высказанная в частной беседе, все равно приказ. И никто ему, конечно, не откажет, даже если без меня у Тайного Сыска начнутся тяжелые времена. Что, кстати, полная чушь. Не начнутся. Я не настолько незаменима. Кофа привык справляться сам, а меня держит на подхвате, для всяких пустяковых поручений; в этом смысле с начала моего обучения ничего не изменилось. Ему, конечно, довольно удобно всегда иметь меня под рукой, но не настолько, чтобы мой уход стал катастрофой.

– Понимаю, – кивнул я.

– Король встретился со мной тайком, чтобы Кофа раньше времени не пронюхал о его планах, – вздохнула Кекки. – То есть в Замок Рулх меня не приглашали. И даже неофициальных писем без подписи с невидимыми курьерами мне никто не слал. Просто в одном из самых неприметных трактиров на краю Старого Города, где даже вывески с названием нет, к толстой старухе, заскучавшей над плошкой с кислым гугландским вином, ненадолго подсел изрядно подвыпивший рыжий студент, судя по выговору, уроженец Муримаха. Старухой, если что, была я, а кто явился ей под видом студента – откуда мне знать, правда? В случае чего,

я не смогу доказать, что Его Величество удостоил меня непродолжительной личной беседой. Однако беседа все-таки состоялась, такой вот парадокс.

– Очень интересно, – откликнулся я, пытаюсь вообразить эту картину: Его Величество Гуриг Восьмой, изменив облик, тайно пробирается в безымянный трактир, чтобы провести предварительное собеседование с кандидатом на высокую дипломатическую должность.

Картина, надо сказать, воображалась как миленькая. И выглядела предельно правдоподобно. Насколько я успел изучить нашего Короля, дай ему волю, он бы вообще все дела только так и улаживал.

– Интересно – не то слово, – усмехнулась Кекки.

– Ну и к чему вы в итоге пришли?

– К тому, что я должна сама поговорить со своим начальством. То есть, с сэром Джуффином и с Кофой. Потому что в моих устах просьба об отставке – это просто просьба. А вовсе не завуалированный приказ.

– Ну и отлично.

– Это тебе только кажется, – мрачно буркнула Кекки. – Было бы оно отлично, я бы здесь сейчас не сидела. И не морочила бы тебе голову.

– Невелика морока, – отмахнулся я. – Но, кстати, а я-то тут при чем? Неужели Королю еще и мое согласие на твою отставку требуется?

– Да вроде бы нет, – неуверенно сказала Кекки. – Просто... Ну слушай, что тут непонятного? Я же сразу сказала: помоги мне уйти из Тайного Сыска. Поговори, пожалуйста, с Джуффином и Кофой. Очень тебя прошу.

– Я? О тебе, Короле и твоём назначении? Да запросто. Что-что, а говорить я могу часами. С кем угодно, на любую тему. Гораздо труднее было бы заставить меня надолго умолкнуть, но этого ты, хвала Магистрам, и не требуешь. Правда, мне кажется, что посредник в этом деле не нужен. Ты хочешь получить должность посла в Уандуке, а совмещать ее с работой в Тайном Сыске довольно затруднительно. Не требуется какого-то исключительного ораторского мастерства, чтобы донести эту нехитрую мысль до разумного человека.

– Исключительного может и не требуется, – согласилась Кекки. – Однако... Видишь ли, на самом деле все немножко сложнее. И простое согласие принять мою отставку делу не поможет.

– А что ему поможет?

– Надо, чтобы сэр Джуффин настоял на моем назначении. Ну, то есть сделал вид, будто настаивает. Но был при этом достаточно убедителен. Чтобы всем заинтересованным лицам стало ясно, что Король просто не смог ему отказать.

– Надеюсь, хотя бы гражданскую войну развязывать не придется? Для пущей убедительности? – спросил я.

Сам удивился сварливости своего тона. Потому что вообще-то планировал просто пошутить.

Разговоры о сложностях и препятствиях всегда выбивают меня из колеи, как будто все сказанное в моем присутствии автоматически становится моей проблемой. Хотя это вовсе не так. Ну, то есть не всегда так. Я всем сердцем надеюсь, что все-таки не всегда.

– Вот видишь, даже тебя проняло, – мрачно кивнула Кекки. – Уже смотришь на меня зверем. И тебя можно понять. Но штука в том, что иначе ничего не получится. Ты вообще представляешь, сколько желающих получить это место?

– Место главного представителя Соединенного Королевства в Уандуке? На сокровенной родине искусства наслаждений, возвышенных и не слишком? Чьи жители славятся приветливой неразборчивостью в любовных связях, маниакальной страстью к комфорту и демонстративным пренебрежением к спешке и суете? Нет, пожалуй, не представляю. С математикой

у меня всегда было не очень, а желающих бесконтрольно проматывать казну Соединенного Королевства в этой блаженной земле явно гораздо больше, чем пальцев у меня на руках.

– Ну, получается, вполне представляешь, – улыбнулась Кекки. – Причем большинство кандидатов, как несложно догадаться, представители старых аристократических семейств, обижать которых у Короля нет ни малейшего желания. Равно как отвечать отказом своим заслуженным придворным, жаждущим приятно расслабиться перед пенсией. А ведь кроме них есть еще рекомендательный список желательных преемников сэра Вахиты, заблаговременно составленный чиновниками Канцелярии Забот о Делах Мира. Пренебречь их мнением – все равно, что публично обвинить руководителей канцелярии в непрофессионализме, без пары-тройки громких демонстративных отставок не обойдется. Можешь вообразить, в каком положении находится Король? Кого ни назначь, а обид и скандалов все равно не оберешься. А теперь прикинь, каким количеством влиятельных врагов я в одночасье обзаведусь, если Его Величество вдруг назначит меня на это место своей высочайшей волей. И совсем другое дело, если Королю придется сделать меня послом под давлением Господина Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска. К счастью, у сэра Джуффина такая ужасная репутация, что всем придется смириться и даже посочувствовать Королю, ставшему жертвой очередной ловкой интриги. А меня, конечно, не то чтобы сразу полюбят всем сердцем, но связываться зарекутся. Особенно если сэр Кофа проведет соответствующую разъяснительную работу среди моих будущих высокопоставленных врагов, благо его связи при Дворе это позволяют. Что скажешь? По-моему, отличный план!

– Да, неплохой. Но почему договариваться о его реализации должен я, а не ты?

– Ну сам подумай, – вздохнула Кекки. – Как я буду говорить все это сэру Джуффину?

– Да так же, как и мне – человеческим голосом. Такие штуки совершенно в его вкусе. Как минимум повеселится.

– Вот именно! Повеселится. А потом великодушно подпишет мою отставку. И напоследок ласково объяснит, что вовсе не обязан ссориться с половиной Соединенного Королевства, устраивая мою судьбу.

– По-моему, ты его недооцениваешь. Шеф любит интриги просто так, бескорыстно, как другие люди оперу или гонки на амобилерах. Они его развлекают.

– Ну, может быть, – неохотно согласилась Кекки. – Но мне все равно неловко его просить. К тому же остается Кофа. И это совсем невозможный для меня разговор! Как будто я... Как будто он... Как будто я считаю, что он мне теперь должен. За наш бывший роман. Словно бы требую отступного... Нет, слушай, я даже думать не могу о том, как это может выглядеть с его точки зрения!

– Ерунда какая.

– Вот именно. Для тебя – сущая ерунда. Ты же с ними дружишь. С обоими. И можешь говорить о чем угодно – не как проситель, а на равных. Тем более о делах, в которых не заинтересован лично. Тебе, если что, и отказ получить не обидно. Между вами ничего не встанет, если они скажут «нет». То есть ты ничего не потеряешь от этих разговоров. А я могу потерять все. Начиная с собственного достоинства и заканчивая возможностью продолжать работать в Тайном Сыске, если с посольской должностью ничего не выйдет. А без их помощи и не выйдет, это заранее ясно.

– Так, стоп, – попросил я. – А теперь давай-ка еще раз.

– Что – еще раз? – опешила Кекки. – Снова все повторить?

– Не надо повторять. Лучше просто скажи мне правду.

– Но...

– Слухи о моей наивности не то чтобы вовсе безосновательны, но все-таки несколько преувеличены. Обычно я действительно легко верю всему, что услышу, но только потому, что мне, по большому счету, все равно. Обманете, вам же хуже: все, во что я поверю, рано или

поздно станет правдой, и посмотрим, как вам это понравится – такова моя позиция. Поэтому будь, пожалуйста, осторожна. И не пытайся втюхать мне совсем уж откровенную ерунду.

Леди Кекки Туотли смотрела на меня, как ребенок на фокусника, только что вероломно доставшего монетку из его собственного уха, в котором совершенно точно не было никаких монет. «Ну ты даешь!» «Да как ты смеешь!» «Неужели это возможно?» «Какой отличный фокус, хочу научиться!» – такая примерно гамма чувств.

– Но я и сказала правду, – наконец неохотно вымолвила она.

– Какую-то ее часть – вполне возможно. Но поверить, будто ты не способна договориться с Кофой, я все-таки не могу. Он умеет внимательно слушать. И задавать вопросы, когда чего-то не понимает. И не станет приписывать собеседнику какие-то дополнительные мотивы, которых на самом деле нет. А если есть, догадается о них и без дополнительных разговоров. Уверен, что ты давным-давно пришла примерно к тем же выводам. Такие вещи о близких людях узнаешь довольно быстро.

Кекки сидела, потупившись. И выглядела скорее раздосадованной, чем смущенной.

– С Джуфффином, собственно, та же история, – добавил я. – Романа у вас, правда, не было, но это совершенно не обязательно. Достаточно несколько дней проработать с шефом, чтобы уяснить: с интригами – это к нему, в любое время суток. Примет с распростертыми объятиями. И слабые места, если они есть, сразу найдет. И пару свежих идей подбросит. И с удовольствием поучаствует, если сочтет дело выгодным для себя. Причем развлечение тоже считается выгодой; в такие спокойные времена, как сейчас, подозреваю, первоочередной. И уж чего Джуфффин точно не станет делать, так это с позором изгонять тебя из Тайного Сыска за попытку стать послом в Уандуке. Человек вроде тебя, достаточно сообразительный, чтобы договориться с любой уличной торговкой, не может не понимать таких простых вещей о собственном начальнике. Поэтому попробуй объяснить еще раз: на кой тебе сдался я?

– Ладно, нет так нет, – почти беззвучно сказала Кекки. – Извини, пожалуйста, что побеспокоила.

Но выскакивать из-за стола и делать вид, будто сейчас уйдет навек, хлопнув дверью, она все-таки не стала. Вот и молодец. Сразу видно будущего дипломата.

– Эй, это вовсе не означает, что я отказываюсь тебе помогать, – улыбнулся я. – Не отказываюсь. Мне совсем нетрудно. Просто хочу знать, на кой тебе сдалось мое посредничество. И все.

Кекки вздохнула. Отвернулась к окну. Наконец достала из кармана трубку и принялась ее набивать. Отличный способ потянуть время, кто бы спорил. Кофа тоже всегда так делает. И Джуфффин. И вообще все курильщики трубок, будь они неладны. Не иначе как с тайной целью загнать в могилу нормальных нетерпеливых людей вроде меня.

– Просто ты приносишь удачу, – наконец сказала Кекки.

– Что?!

– Ты приносишь удачу, – повторила она. – Все так говорят. Ну, как минимум не отрицают. А удача мне сейчас очень нужна. Вот я и подумала: возможно, мои шансы на успех возрастут, если я сумею втянуть тебя в это дело? Хуже-то всяко не будет. Хотя бы потому, что твою просьбу и сэр Джуфффин, и Кофа выполнят с гораздо большим удовольствием, чем мою.

– С чего ты взяла?

– Да с того, что ты совсем недавно вернулся в Ехо. Тебя уже практически похоронили, а ты – хлоп! – и снова тут. И они еще к этому не привыкли. И очень рады – это ты, надеюсь, понимаешь и без меня. И кстати, оба прекрасно знают, что ты любишь устраивать чужие дела больше, чем собственные. Никто не удивится, что ты вдруг решил заняться моей карьерой.

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Отличная версия, а теперь, пожалуйста, попробуй еще раз. И лучше бы все-таки правду». Но в последний момент передумал. Не стал ее мучить. Сказал:

– Ладно. Такая аргументация мне понятна.

– Так ты с ними поговоришь? – просияла Кекки.

– С Джуффином и Кофой?

– И еще, если можно, с сэром Шурфом. Вы же дружите. Уверена, ты бы и так все ему рассказал, просто как забавную историю. Ну вот и расскажи. Вдруг ему тоже покажется, что из меня может выйти неплохой посол? Поддержка Ордена Семилистника в таком деле совсем не повредит!

– Договорились, – кивнул я. – Самому теперь интересно, что они на это скажут – все трое. И как далеко меня пошлют. Будет это одно и то же место, или все-таки разные? И что я там обнаружу, когда доберусь? Обожаю долгие путешествия.

– Никуда они тебя не пошлют, вот увидишь! – воскликнула Кекки. – Спасибо!

Залпом допила свою камру, поспешно провела руками по лицу и снова превратилась в давешнюю девчонку-газетчицу.

– Ничего, если я побегу? – спросила она. – Работу никто не отменял.

– Конечно, – улыбнулся я.

Кекки устремила к выходу, однако на полдороге передумала, вернулась, присела возле меня на корточки, сказала:

– Слушай, сэр Макс, я понимаю, что вряд ли когда-нибудь смогу оказаться по-настоящему тебе полезной. Скорее уж, снова ты мне. Причем еще не раз. Вечная проблема с могущественными людьми – захочешь, а не отблаговоришь толком. Но если вдруг однажды все-таки выяснится, что у меня есть какая-нибудь нужная тебе ерунда, вспомни, пожалуйста, что я твоя вечная должница. И не стесняйся эту ерунду у меня потребовать.

– Ладно, – кивнул я. – Можешь на меня положиться, потребую обязательно. Обожаю отбирать чужую ерунду.

Она рассмеялась, подхватила сумку с газетами и убежала. А я остался в своей ледяной пустыне, наедине с кувшином из «Туманного Кирона» и смутным ощущением, что меня провели, постепенно превращающимся в уверенность.

Перед тем, как покинуть дом, я наскоро слепил себе очередную фальшивую физиономию, чтобы никто не опознал меня в счастливом припадке, алчно глазеющем по сторонам. Не то чтобы мои прогулки по городу такой уж великий секрет, просто я не люблю оказываться в центре внимания, а в моем положении это, увы, неизбежно. Наши горожане живо интересуются делами Тайных сыщиков и вообще всех мало-мальски могущественных колдунов, особенно тех, о ком хотя бы иногда пишут в газетах. А завиральные байки о моей персоне кормят целую толпу журналистов. Вот кто обрадовался моему возвращению даже больше, чем ближайшие друзья!

Ребят в общем можно понять. Когда я только начинал работать в Тайном сыске, Джуффин и Кофа постарались наводнить город самыми дикими слухами и сплетнями о моей персоне – вероятно, в надежде, что они отвлекут внимание публики от моего неумения колдовать, стрелять из рогатки бабум и пользоваться столовыми приборами. А потом постепенно выяснилось, что я и без их художественного творчества довольно странный. И со мной вечно что-нибудь случается, хочу я того или нет. Сам о себе с удовольствием читал бы, если бы не был настолько близко знаком с предметом.

Но с тех пор, как я выучился быстро и качественно изменять внешность, все это стало неважно. Теперь я могу сколько угодно бродить по городу как нормальный человек, никому особо не интересный. И всякий раз, проходя мимо здания редакции «Королевского голоса», мысленно показывать им язык.

В очередной раз исполнив этот тайный ритуал, я с легким сердцем отправился дальше, с каждым шагом пьянея от речного ветра и густого жемчужного послеполуденного весеннего света, льющегося сквозь прорехи в облаках. Но держался вполне в рамках приличий. То есть с булыжниками мостовых не целовался и даже к деревьям особо не приставал – так, обнялся дружески с парочкой старых знакомых, да и то не столько для собственного удовольствия, сколько памятуя о том, что городские деревья любят доброжелательное человеческое внимание, можно сказать, только ради него и соглашаются расти среди нас. Разочаровывать их было бы немилосердно.

В общем, это была обычная прогулка по самому традиционному из моих маршрутов между Мохнатым домом и Домом у Моста. И уж чего я точно не ожидал, так это что практически в финале ее, всего за несколько кварталов от улицы Медных Горшков у меня разболится живот. Живот. Разболится. У меня! Это настолько нелепо, что даже не смешно.

Сперва я просто опешил. И остановился – не столько от самой боли, сколько от удивления, прикидывая, хватит ли моих случайных, по верхам нахватавшихся знахарских умений, чтобы справиться с этим безобразием. В смысле необычайным происшествием. Потому что вообще-то я никогда ничем не боюсь – если, конечно, не заколдовать меня как следует. Еще меня можно подстрелить из бабума, стукнуть большим тяжелым предметом, или опоить каким-нибудь гадским зельем, тоже неплохой вариант.

Вспомнив о зельях, я сразу подумал, что камра из «Туманного Кирона» была вовсе не так хороша, как мне сперва показалось. Ну или не камра, а дурацкий пирог. Но окончательно записывать Кекки и неведомых хозяев трактира в отравители я все-таки не стал. И не потому что стараюсь хорошо думать о людях, а просто не успел. Вспомнил, как буквально несколько дней назад у меня разболелась голова на половине городской полиции, куда как раз доставили нескольких участников потасовки в порту; к этому моменту бедняги предсказуемо страдали от чудовищного похмелья, и мой компанейский организм решил к ним присоединиться. Но, хвала Магистрам, угомонился, как только я вышел на улицу.

Подобные приступы чужой боли случались со мной и прежде; к счастью, не настолько часто, чтобы заподозрить у себя настоящее знахарское призвание. И хвала Магистрам. Вот уж чего-чего, а этой участи хотелось бы избежать любой ценой. Потому что знахарское призвание – самая благородная и возвышенная форма рабства, какую только можно вообразить. И самая безнадежная. Захочешь, а не откупишься. И не сбежишь. И даже не задумаешься о побеге, а напротив, решишь, что жизнь наконец-то обрела смысл. И будешь по-своему прав.

Но, к счастью, это не мой случай. Просто интенсивные занятия магией постепенно стирают границы между человеком и всем остальным Миром, в том числе и телесные, это вам любой опытный колдун подтвердит. А сознательно выстраивать защиту от избытка внешних впечатлений я все никак не научусь, хотя, положив руку на сердце, давным-давно пора.

Впрочем, неважно. Главное, я вовремя сообразил, что на самом деле живот болит не у меня. И принялся озиаться по сторонам по сторонам в поисках настоящего страдальца.

Долго искать не пришлось. Всего в нескольких шагах от меня прямо на тротуаре сидел мужчина средних лет в ташерском костюме, похожем на просторную пижаму. Ну или в пижаме, похожей на традиционный ташерский костюм, поди разбери. Судя по тому, как он скрючился, мне досталась совсем небольшая часть его боли, считай, вообще ничего. Над беднягой склонилась белокурая женщина в роскошном многослойном лоохи – знахарка? Спутница? Просто сердобольная незнакомка? Ничего особенного она, как мне показалось, не делала, а просто о чем-то шепталась с больным. Или целовалась? А что, отличное средство. Иногда помогает похлеще любых заклинаний и микстур.

Я посмотрел на парочку повнимательней. В смысле боковым зрением. Это уже вошло у меня в привычку – кого бы ни увидел, сразу проверять, бодрствует он или спит. Потому что

нынешняя моя работа, по идее, в том и состоит, чтобы опекать сновидцев, которые в последнее время толпами бродят по Ехо – в смысле видят нас во сне. А мы поневоле становимся действующими лицами их сновидений. Ужасно интересно все-таки это устроено: можно, оказывается, оставаться живым человеком, обычным горожанином, слепленным из костей, мяса и повседневных забот, и одновременно быть чужим сном. Мы все, как внезапно выяснилось, чьи-то сны. Что, впрочем, совершенно не мешает нам оставаться на своих местах после того, как очередной спящий проснется у себя дома. И хвала Магистрам. Обидно было бы вдруг взять и исчезнуть, только потому, что в какой-то иной реальности зазвенел будильник или что там у них вместо будильников, поди знай.

Не стану утверждать, будто я и правда крупный специалист по коммуникациям между спящими и снящимися. Я не крупный. И даже не мелкий. То есть вообще никакой не специалист. Специалистов в этой области у нас пока нет. Наш Мир совсем недавно стал центром массового паломничества сновидцев из разных реальностей, то есть пространством, которое снится всем подряд, «модным курортом сознания», по меткому выражению Джуффина. И мы еще толком не успели освоиться в новой ситуации.

Однако действовать время от времени все равно приходится. Если, например, кто-то из наших гостей не может проснуться и бродит по улицам Ехо, пока не умрет от полного истощения у себя дома – там, где осталось лежать его спящее тело, далеко не такое выносливое, как хотелось бы любителям увлекательных прогулок по иным мирам. Или если сновидец страдает кошмарами, способными свести его с ума. Или оказывается настолько силен, что его грезы начинают влиять на нашу реальность – бывает и такое. Очень редко, но «редко» не означает «никогда».

В общем, случиться может все что угодно, в любой момент, не дожидаясь, пока мы наберемся опыта, обретем просветление, а вслед за ним – хоть какой-нибудь намек на контроль над происходящим. Поэтому действовать приходится наобум, разбираясь по ходу дела. А иногда и вовсе не разбираясь, а просто случайно угадывая. Ну или не угадывая, как повезет.

На первый взгляд, ужас, конечно; с другой стороны, некоторые вообще все делают именно таким способом – начиная с приготовления завтрака и заканчивая путешествиями по Мосту Времени. Например, я. Поэтому нет ничего удивительного, что Джуффин решил повесить проблемы сновидцев именно на меня. Вполне разумное решение – все равно что поручить хождение по канату в полной темноте слепому, у которого и правда больше шансов сделать наощупь хотя бы пару шагов. Условия-то привычные.

Впрочем, ладно. Я только и хотел сказать, что посмотрел на эту парочку боковым зрением. И не потому, что заподозрил подвох. Ни хрена я тогда не заподозрил, просто сработала привычка.

Однако буквально секунду спустя выяснилось, что сидящий на тротуаре страдалец мерцает тусклым холодным светом, как отражение луны в темных водах ночного Хурана. А значит, спит сейчас неведомо где и видит сон о том, как у него болит живот в самом сердце столицы Соединенного Королевства. На мой вкус, не сладчайшая из всех возможных грез, но уж как получилось. Со сновидениями особо не забалуешь – или ты мастер, способный подчинять их ход своей воле, или бери что дают.

С так называемой «реальной жизнью», впрочем, та же история.

В общем, больной в пижаме оказался спящим, а вот склонившаяся над ним женщина явно бодрствовала. И, похоже, была очень неплохой колдуньей. По крайней мере, я не раз замечал: когда смотришь вот так, боковым зрением, на достаточно могущественного человека, ощущаешь что-то вроде сопротивления. Как будто невидимая рука настойчиво пытается отвести твое внимание в сторону: «сюда не лезь!» Причем это далеко не всегда зависит от воли объекта созерцания. Сколь бы дружелюбно настроен он ни был, сопротивление все равно почувствуешь. На меня самого, по свидетельствам очевидцев, крайне неприятно смотреть боковым

зрением, а я совершенно точно ничего для этого не делаю. Оно как-то само получается, не знаю уж почему.

«Наверное, все-таки знахарка», – подумал я.

Такой вывод напрашивался сам собой. Среди столичных знахарей довольно много способных колдунов. Собственно, до недавних пор это был один из немногих легальных способов регулярно практиковать магию достаточно высоких ступеней. Ну, то есть как – высоких. До сороковой, что ли, ступени Белой и до двадцатой Черной, выше – только по специальному разрешению. Но по тем временам совсем неплохо. Гораздо лучше, чем ничего.

Пока я все это обдумывал, боль в животе прошла. Из этого, вероятно, следовало, что и спящему полегчало. Впрочем, мой внезапный приступ эмпатии вполне мог закончиться раньше, чем его боль – просто потому, что я отвлекся на более интересное занятие. От этого и настоящие болезни иногда проходят, по крайней мере, у увлекающихся натур, способных целиком отдаться захватившему их делу, позабыв обо всем остальном.

Белокурая женщина тем временем заметила, что я заинтересовался происходящим. И адресовала мне взгляд, вопросительный и недоброжелательный одновременно. Дескать, чего уставился? Шел мимо, вот и продолжай в том же духе. Давай-давай.

Для любого нормального человека этот ее взгляд стал бы чем-то вроде официального разрешения не взваливать на себя чужие проблемы. Если мне настолько не рады, можно развернуться и уйти, не испытывая особых угрызений совести. Кот сбежал, кормить не надо, как в Ландаланде говорят.

Однако со мной такой номер обычно не проходит. Чувство противоречия – не просто одна из неудобных черт моего характера, а основная движущая сила, побуждающая меня действовать. Если вам позарез необходимо чего-нибудь от меня добиться, просто запретите мне это делать, желательно не объясняя причин. Результат вас восхитит.

Вот и сейчас так получилось. Если бы не враждебный взгляд незнакомки, я бы, пожалуй, действительно пошел дальше, предоставив ей самостоятельно разбираться со спящим. Вряд ли случай настолько сложный, чтобы привлекать тяжелую артиллерию в моем лице. Все равно бедняга скоро проснется дома и, если выяснится, что боль ему не приснилась, вызовет врача. И правильно сделает. Лечиться, как ни крути, лучше наяву.

Но теперь я, конечно, сразу решил, что не брошу эту парочку в беде. По крайней мере, не уйду, не убедившись, что леди действительно знахарка. И знает, что делает. И, самое главное, с кем.

Я подошел поближе и почти беззвучным шепотом спросил:

– Надеюсь, вы понимаете, что перед вами спящий?

– Да куда уж мне спящего от бодрствующего отличить, – огрызнулась белокурая леди. – Такая сложная наука, ум за разум заходит. Две тысячи лет в Королевском Университете учиться надо, чтобы ее постичь.

Говорила она почему-то так громко, словно я по-прежнему находился на другой стороне улицы. Ее подопечный, забеспокоился, попытался было встать, но вместо этого исчез. Ну, то есть, с нашей точки зрения, исчез, а на самом деле просто проснулся у себя в постели, где бы она ни находилась. Ничего удивительного, от такой информации почти все просыпаются. Та самая защитная реакция психики, о которой мы с Меламори говорили минувшей ночью; противостоять ей, конечно, можно, но непросто. Тут, как и в любом другом деле, помогает знание соответствующих приемов, помноженное на опыт их практического применения. Или могущественный помощник, способный тебя удержать. Ну или врожденный талант, но такие случаи по пальцам можно пересчитать.

Ладно, проснулся и проснулся. Чего уж теперь.

– Видите, что вы наделали? – сердито сказала женщина. – Разбудили прежде времени больного человека. А ведь я могла бы ему помочь.

Интересные дела. Орала во весь голос она, а разбудил, значит, я? Я даже дар речи утратил от возмущения. Но поскольку не привык оставлять клевету без ответа, адресовал белокурой знахарке самый убийственный из своего дежурного набора тяжелых взглядов. Обычно он производит на окружающих столь сокрушительный эффект, что мне же потом приходится их утешать.

Однако леди бровью не повела. И глаза отводить не стала. Смотрела на меня с такой несокрушимой, почти вызывающей твердостью, какую можно встретить только у робких от природы людей, однажды пообещавших себе стать храбрецами. Или хотя бы казаться таковыми, чего бы это ни стоило.

И тогда я ее наконец узнал.

– Айса, ну надо же! Ничего себе поворот!

Она не дрогнула. Только к вызывающей твердости взора прибавилась надменность, граничащая с отчаянием. Холодно сказала:

– Сожалею, но вы обознались. Это не мое имя.

– Точно, – согласился я. – Леди Шимора Тек. Просто в ту пору, когда мы познакомились, ты называла себя Айсой. А имя «Шимора» терпеть не могла.

И, только договорив, вспомнил наконец, как сейчас выгляжу: глубокий старик с квадратной челюстью, раскосыми глазами и крючковатым носом. Сам же себя так разукрасил перед выходом, а теперь удивляюсь, что знакомые не кидаются мне на шею с восторженным воплем: «Привет!»

Вернуть себе обычный облик – дело нехитрое. Ну, то есть как и любой другой магический трюк, оно перестает казаться хитрым после первой тысячи мучительных попыток. Моя тысяча давным-давно осталась позади. Однако перевоплощаться посреди улицы, сколь бы безлюдной она ни была, мне совсем не хотелось. Всем хороши нынешние времена, вернувшие повседневную магию на улицы столицы Соединенного Королевства, однако теперь приходится учитывать, что любое дерево, каждый брошенный без присмотра амобилер, всякий фонарный столб могут внезапно оказаться репортером «Королевского голоса» или, того хуже, «Суеты Ехо» – молодым, амбициозным, настырным и, в довершение ко всем бедам, достаточно способным колдуном, чтобы вызнать у пережившего Смутные Времена в качестве Младшего Магистра какого-нибудь мятежного Ордена деда секретный старинный фокус и не полениться его разучить ради бесконечного счастья подсмотреть, как лихо я изменяю облик. А потом раззвонить об этом всему Соединенному Королевству, лишив граждан покоя и подарив им блаженную возможность вглядываться в лицо всякого прохожего, прикидывая: а вдруг это сэр Макс вышел погулять и сейчас кааааааак напрыгнет! И, вероятно, съест, чего еще от меня ждать.

Поэтому избавляться от чужого лица я не стал. А просто перешел на Безмолвную речь: «Я – сэр Макс. Временно изменил внешность, вот и все».

Безмолвная речь в этом смысле удивительно удобная штука – чей бы голос ни зазвучал у тебя в голове, сразу понимаешь, кому он принадлежит. Захочешь – не перепутаешь. Ну, то есть мне рассказывали о мастерах говорить от чужого имени, но таких даже в Эпоху Орденов было исчезающе мало, и свои дела они, конечно, держали в секрете, да так успешно, что теперь никто и не верит в подобную возможность.

Так что Айса могла не сомневаться: я – это я. Самое время обрадоваться встрече.

Но она совсем не обрадовалась. Только еще больше помрачнела. Сухо откликнулась: «Вот оно как».

А вслух сказала:

– Тогда мне вероятно следует официально вас уведомить, что моя персональная лицензия дает мне право на неограниченное использование Очевидной магии. Следовательно, ничего противозаконного я не совершила. Жаль вас разочаровывать, но это так.

Наградила меня почти нераспознаваемым намеком на торжествующую улыбку, развернулась и пошла прочь.

Странно. Расстались-то мы друзьями. Ну, насколько вообще можно расстаться друзьями с человеком, которого ты сперва ловил, потом допрашивал и наконец лично вывез за пределы Угуланда – в изгнание, согласно приговору⁶.

Тем не менее, мы тогда неплохо ладили. Мне понравилась компания юных колдунов-самоучек, которой верховодила Айса. Ребята мечтали возродить романтическую эпоху Орден – как они ее себе представляли. Ну и заодно прославиться на весь Мир в качестве новых мятежных Магистров. Дурацкое желание, но для подростков практически неизбежное, глупо было бы их за это упрекать.

Строго говоря, на совести этой компании было только одно настоящее преступление: ребята раздобыли заклинание, позволяющее присваивать чужую силу, и успешно его применили, увеличив собственное могущество за счет нескольких удалившихся от дел стариков. Остальные их выходки были вполне невинны: пляски на потолке, дома, летающие по воздуху, изготовление возбуждающих зелий по древним рецептам и прочее очаровательное мелкое хулиганство, сейчас за такое даже не штрафуют.

Я принял их судьбу так близко к сердцу, что убедил Джуффина предоставить юным преступникам выбор между ссылкой и комфортабельной отсидкой в Королевской Тюрьме Холоми, а потом битый час уговаривал Айсу решиться на изгнание. Искушал ее очарованием неизвестности, сулил золотые горы удивительных открытий и небывалых чудес – не гарантированных, конечно, но вполне вероятных. На меня иногда находит такой романтический стих, и уж тогда кто не спрятался, я не виноват: даром убеждения природа меня не обделила, кого хочешь разума лишу. Временно, конечно. Но кому от этого легче.

Айса и сама хотела отправиться на поиски приключений, просто очень боялась. Обычное чувство для человека, оказавшегося на пороге полной неизвестности. Мне это было понятно, как мало кому. Все самые разумные поступки в своей жизни я совершил, преодолевая точно такой же панический страх. Испытывать его – обычное дело для человека с воображением, однако на то и дана нам воля, чтобы не позволять страху влиять на наши решения. Заставить его заткнуться трудно, но вполне возможно, а то где бы я сейчас был.

В итоге я ее убедил; остальные принимали решение сами. Четверо несостоявшихся «новых Великих Магистров» со всеми удобствами расположились в Королевской тюрьме Холоми, а четверо отправились покорять Мир. Я сам довез их до границы с графством Шимара, пожелал удачи и выдал тысячу корон на дорогу – для меня несущественная потеря, а им пригодится, так я тогда рассуждал. И сожалел только о том, что не могу сделать для ребят больше. Например, составить им компанию, хотя бы на первое время. Но о такой продолжительной отлучке со службы тогда и речи не шло.

Десятилетнее изгнание завершилось для этой четверки досрочной амнистией – сразу после принятия поправок к Кодексу Хрембера, отменивших прежний строгий запрет на использование Очевидной магии. Я слышал, что сэр Джуффин Халли, чья слабость к талантливой молодежи не знает границ, этому весьма поспособствовал. И даже лично выхлопотал для них лицензии на применение магии без ограничений, специально предназначенные для самых способных колдунов. Теоретически бывшим осужденным такое не полагается, но когда это Джуффина волновали подобные пустяки.

Тем временем Айса, ну или леди Шимора Тек, как ни назови, один черт, удалялась от меня с демонстративной неторопливостью. Не то характер показывала, не то мысленно взы-

---

⁶ Подробно об этом рассказывается в повести «Клуб дубовых листьев».

вала: «Останови меня, пожалуйста». Я предпочел вторую версию – просто потому, что она мне нравилась. Когда приходится выбирать между разными способами объяснить происходящее, я стараюсь руководствоваться принципом: правда – это то, что мне по душе. И вряд ли ошибаюсь чаще, чем те, кто делает наоборот.

Будь моя воля, я бы, пожалуй, отложил переговоры до вечера. А то и до завтра. Все-таки изводить людей томительным ожиданием – удовольствие, которое выпадает мне, прямо скажем, не каждый день. Однако необходимости выяснить, что случилось со сновидцем в пижаме и каким образом Айса собиралась ему помогать, никто не отменял. А обязанности, в отличие от наслаждений, откладывать все-таки не стоит.

Поэтому я дал Айсе дойти до конца квартала, как бы невзначай обернуться, убедиться, что я стою на месте, немного помедлить, окончательно разочароваться и, наконец, свернуть за угол. Ну а потом, конечно, воспользовался Темным путем, чтобы эффектно выйти ей навстречу.

Приветливо улыбнулся в ответ на негодующий взгляд:

– Совершенно верно, это опять я. Немного чересчур назойлив, не спору. Но я не так часто пристаю на улице к прекрасным леди, чтобы научиться спокойно переживать отказ. В любом деле, говорят, важен опыт. А у меня его пока нет.

– Дырку над вами в небе, сэр Макс, – сердито сказала Айса. – Все-таки вы совершенно ужасно выглядите.

– Спасибо. Я старался.

Соврал, конечно. Не старался я ни черта – как получилось, так и ладно, главное, что на себя не похож. Зато Айса наконец улыбнулась. Но тут же снова нахмурилась. Спросила:

– Хотите получить объяснения насчет того сновидца?

Я развел руками – дескать, и рад бы соврать, что не хочу, но зачем обманывать хорошего человека. А вслух сказал:

– Лицензия лицензией, но в Кодексе Хрембера до сих пор существует статья, запрещающая производить магические действия над людьми без их добровольного согласия. А к ней прилагается совсем новенькая поправка, уравнивающая сновидцев в правах с бодрствующими; к ее появлению я, каюсь, сам руку приложил после нескольких неприятных инцидентов. Впрочем, кроме нее есть пара дюжин других поправок, перечисляющих обстоятельства, в которых насильственно околдовывать граждан все-таки можно. Поэтому давай разбираться, что у вас с этим беднягой произошло.

– Вот как раз четвертая поправка к двадцать восьмой статье у нас и произошла, – усмехнулась Айса. – Та, которая позволяет применять магию ради исцеления. Этот человек страдал от боли, достаточно сильной, чтобы он продолжал ощущать ее даже во сне. А я теперь немного умею лечить, причем как раз спящих. Строго говоря, только их и умею. Довольно нелепая специализация, но ничего не поделаешь, именно с этого начинается обучение знахарей в Суммони. Там считается хорошим тоном регулярно сниться своим пациентам; впрочем, некоторые болезни вроде бы действительно легче лечить во сне, чем наяву. Точно не знаю, я не так уж долго училась.

– Ого! – восхитился я. – Ты, я смотрю, в изгнании зря время не теряла.

– На самом деле, сэр Макс, именно этим я там и занималась, – сухо сказала она. – Теряла его всю. И, по моим ощущениям, именно что зря. Унылые скитания вдали от Сердца Мира – занятие на любителя, к числу которых я, как выяснилось, не принадлежу. Но пару условно полезных чужеземных фокусов я там все-таки разучила, могу исполнять на бис. Честно говоря, совсем не уверена, что они мне так уж необходимы. Знахарского призвания у меня в любом случае нет, одно любопытство, да и то довольно вялое. Собственно, я всего несколько раз применяла свои умения на практике. И сейчас даже не знаю, получилось или нет. Не успела понять. Рановато этот красавец проснулся.

– Ты слишком громко назвала его спящим, – заметил я. – От такой информации неподготовленные люди обычно сразу просыпаются.

– Да, моя ошибка, – равнодушно согласилась Айса. – Но тут ничего не поделаешь. Когда вы вмешались, я растерялась. Сразу все вылетело из головы.

– Ладно, будем надеяться, там, где он проснулся, тоже есть толковые знахари, – примитивно сказал я.

Айса только плечами пожала. И вопросительно уставилась на меня, явно желая понять, можно ли ей идти.

Радости от нашей встречи она по-прежнему явно не испытывала. И это было – не то чтобы по-настоящему обидно, скорее просто удивительно. Я уже как-то привык, что мне все всегда рады. Даже сэр Корва Блимм, столкнувшись со мной в трактире ворчуна Мохи, сперва искренне радуется такому счастливому стечению обстоятельств и только потом вспоминает, что меня вообще-то следовало бы четвертовать при первой же возможности. В их семье сейчас чрезвычайно популярна легенда, будто я шантажом, угрозами и чуть ли не подзатыльниками заставил леди Меламори вернуться в Арварох; с фактами эта версия не особо согласуется, но когда людям легче жить с какой-нибудь дикой идеей, чем с правдой, я не особо стремлюсь их переубедить.

Важно, впрочем, не это, а то, что сэр Корва все равно каждый раз сердечно улыбается мне при встрече и ничего не может с собой поделать. Не зря в Ордене Потаенной Травы личное обаяние считали одним из самых надежных способов магической защиты, и все послушники, у которых это качество не было врожденным, развивали его при помощи специальных упражнений, с утра до ночи, не щадя живота.

Мне в этом смысле повезло больше, чем им. Трудиться не пришлось.

Однако на Айсу мое врожденное обаяние явно не действовало. То ли внешность я сегодня выбрал экстремально отталкивающую, то ли настолько некстати возник у нее на пути, поди разбери.

– Я опаздываю на службу, – наконец сказала она.

– На службу?!

– Ну да. А чему вы удивляетесь? Большинство людей где-нибудь работают, для вас это новость?

– Да, точно, мне что-то такое рассказывали, – кивнул я. – О горожанах, ежедневно трудящихся в поте лица. Думал, это завиральная старинная легенда, а оно вон как.

Айса снова улыбнулась, явно помимо воли.

– Когда я вернулась в Ехо, мама предложила мне место у себя, в Канцелярии Забот о Делах Мира, – сказала она. – Ничего выдающегося, но все-таки лучше, чем целыми днями сидеть, уткнувшись в стену.

– А ты сидела? – изумился я. – Вернувшись в Ехо в самом начале всех этих невообразимых перемен? Да еще и с лицензией на право неограниченного использования магии? Сидела, уткнувшись в стену, вместо того чтобы ухватиться за все эти удивительные возможности?! Айса, да ты ли это?

– Разумеется, нет, – холодно ответила она. – Меня зовут леди Шимора Тек. При чем тут какая-то Айса?

– Что с тобой случилось? – прямо спросил я. – В изгнании? Или уже здесь? Что-то пошло не так?

– «Так», «не так», какая теперь разница, – отмахнулась она. – Впрочем, не беспокойтесь. Ничего такого, что могло бы вас профессионально заинтересовать, со мной не стряслось. Просто не особо понравилось – ни путешествие, ни так называемая прекрасная неизвестность, ни скучные уандукские секретки, неумело пытавшиеся прикинуться великими тайнами, ни я сама посреди всего этого унылого бардака... А вообще-то, сэр Макс, вы могли бы хоть раз

прислать мне зов и спросить, как дела. Ну или не мне, кому-нибудь другому. Любому из нас. Мы этого очень ждали. Поначалу. Потом, конечно, перестали. Впрочем, неважно, все это было очень давно.

Ох.

До меня только теперь дошло, что может быть и такая постановка вопроса. На эти грабли я видимо обречен наступать вечно. Что само по себе невелика беда, да вот только по лбу они обычно бьют не меня, а окружающих.

Ну, то есть. Когда какому-нибудь человеку удастся меня заинтересовать – а это, будем честны, совсем несложно – я с удовольствием провожу с ним время, болтаю, не закрывая рта, поднимаю настроение, помогаю, чем могу, если вдруг понадобится. А распрощавшись, спокойно живу дальше, в полной уверенности, что если вдруг снова понадобится, новый приятель сам меня найдет. Ну или просто случайно попадется мне на глаза, как это сегодня сделала Айса. И тогда я, конечно, обрадуюсь – искренне, от всего сердца. И даже не стану спрашивать, какого черта мы так долго не виделись, потому что, по моим ощущениям, вообще все, что со мной случилось, было совсем недавно. Максимум – позавчера.

Звучит неплохо, но при этом шансы, что я сам вспомню о чем-то существовании, стремятся к нулю. У меня вместительное сердце, но к нему прилагается рассеянное внимание, помноженное на крайне непростую и интересную жизнь.

Но поди объясни это сейчас Айсе, которая когда-то имела все основания ждать, что я буду и дальше интересоваться их делами. В некотором смысле я сам это обещал – не словами, но поведением: заинтересованностью, сердечным участием, настроением, интонацией. Можно сказать, всем своим существом.

И, получается, обманул. Хотя и не нарочно.

Вот интересно, как теперь это все сформулировать, избежав честного, но такого обидного признания: «Извини, я о вас забыл».

– Я просто старался не быть слишком назойливым, – наконец сказал я.

– В каком смысле? – опешила Айса.

– Ну все-таки я вам не друг-приятель, а государственный чиновник, проводивший следствие по вашему делу. Не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто я пытаюсь контролировать ваше поведение в изгнании. Решил, если что-нибудь стрясется, вы сами со мной свяжетесь. Мне казалось, это так очевидно, что и обсуждать не требуется. А получается, все-таки надо было обсудить.

– Да, – сухо согласилась Айса. – Не помешало бы. Мы, видите ли, тоже старались не быть назойливыми. Стеснялись вас беспокоить. Не хотели навязываться. Ждали, что вы сами как-нибудь дадите знать, что к вам можно приставать с разговорами. Как-то подтвердите, что мы теперь действительно друзья. Но не дождались. Это было очень обидно, сэр Макс. Хотя мы, конечно, сами дураки, даже спорить не стану. Но сержусь почему-то все равно на вас. И сейчас тоже. И наверное буду сердиться всегда. Даже не знаю, что вы теперь должны сказать, чтобы я перестала.

– Мне тоже ничего в голову не приходит, – признал я. – Так что ладно, сердись дальше.

– Спасибо, – невесело усмехнулась она. – Не каждый день получаешь официальное разрешение сердиться. А теперь мне действительно пора на службу. Совещание по поводу изменения таможенных правил с Чангайей начнется уже через четверть часа; мое присутствие там совершенно бесполезно, но обязательно. Если у вас возникнут дополнительные вопросы в связи с сегодняшним инцидентом, найти меня будет несложно. Домашние адреса всех служащих Канцелярии Забот о Делах Мира являются информацией, открытой для государственных чиновников... не помню, начиная с какого ранга, но для вас это, конечно же, не проблема. Да и Безмолвную речь никто не отменял.

– Не отменял, – согласился я.

И потом долго смотрел ей вслед, придумывая, что бы такого утешительного сказать на прощание. Не придумал, конечно. Что тут придумаешь. Некоторые ошибки исправить просто невозможно, будь ты хоть тысячу раз могущественный колдун.

* * *

Когда я увидел сэра Джуффина Халли, у меня сердце ушло в пятки. И это оно еще вполне достойно себя повело, могло бы и разорваться с перепугу. Некоторые основания для этого у моего бедного сердца были: шеф Тайного Сыска не просто вышел, а натурально вылетел из своего кабинета в пустой зал Общей Работы, порог которого я только что переступил. Глаза его сияли, как маяки в безлунную ночь, губы изгибались в бесшабашной улыбке, а отточенный долгими годами постоянного употребления облик солидного пожилого джентльмена рассыпался ко всем чертям буквально у меня на глазах. То есть выдать его за студента-старшекурсника пока еще было бы непросто, но к тому явно шло.

Зная Джуффина не первый год, я сразу подумал, что конец Мира не за горами. Предотвратить его наверняка все еще можно, но только ценой каких-нибудь отвратительно тяжких усилий. Например, оказавшись на обратной стороне Сердца Мира и слопав обитающую там хтоническую тварь – живьем, за один присест и без острого соуса, это обязательное условие. Поэтому шеф решил пригласить меня на дружеский обед, возражения не принимаются, отправляемся прямо сейчас, только к мадам Жижинде за вилками по дороге зайдем.

Не то чтобы я всегда до такой степени готов к худшему. То есть, положи руку на сердце, я и правда всегда готов, но сейчас дело было не в этом. Просто я совершенно точно знаю, что так резко поднять настроение сэру Джуффину Халли может только совершенно неразрешимая проблема. А с этим делом у нас в последнее время как-то не очень. Слишком хорошо стали жить.

Ну ничего, теперь-то небось попляшем.

– Что с тобой, сэр Макс? – удивленно спросил Джуффин. – Судя по выражению твоего лица, конец Мира явно не за горами.

– Только судя по выражению моего лица? То есть других оснований так думать у тебя нет?

– А должны быть? – нахмурился он.

– Надеюсь, что не должны. Просто я увидел, как ты сияешь, и сразу подумал...

– А, теперь ясно. Ты застал меня в приподнятом настроении и решил, что всему конец. А я заметил, как тебя перекосило, и сделал аналогичные выводы. Какие мы, однако, тонкие, проницательные физиономисты! Главное, никому не разболтай. Засмеют.

– То есть на самом деле у нас случилась не катастрофа, а просто какая-нибудь смешная ерунда в твоем вкусе? – спросил я. – Типа свержения правящей династии или триумфального возвращения воскресшего Магистра Нуфлина из Харумбы? Говори сразу, за кого радоваться, за Короля или за сэра Шурфа? Им обоим давным-давно пора отдохнуть.

– Обойдешься. Этим двоим пока ничего не светит. Но разнообразия ради ты можешь попробовать порадоваться за меня.

– Ладно, попробую. Необычное, должно быть, переживание. Только уточни, по какому именно поводу радоваться? У меня, ты знаешь, конкретный ум. К абстрактному ликованию он совершенно не приспособлен.

– Передай своему конкретному уму, что я собрался на свидание, – сказал Джуффин. И с неподдельным интересом уставился на меня, ожидая реакции.

На его месте я бы тоже уставился. По свидетельствам очевидцев, выражение моего лица в моменты полного офонарения совершенно неопишимо. Жаль, я сам никогда не видел.

– Ничего себе, – наконец сказал я. – Ну, как скажешь, свидание, так свидание. Только не признавайся вот прямо сейчас, что ты тоже живой человек. С сердцем и прочими трепетными потрохами. К такому потрясению мне надо как следует подготовиться. Сэр Шурф, помнится, говорил, что если делать специальные дыхательные упражнения на протяжении сорока лет, можно обрести подлинную невозмутимость. И я ему верю: за сорок лет ежедневного насилия над собственным организмом действительно можно так задолбаться, что все остальные проблемы станут уже до лампочки.

– Договорились, – великодушно согласился Джуффин. – С признанием повременю. Однако на свидание я все-таки отправлюсь не через сорок лет, а прямо сейчас. С твоего позволения.

– На твоём месте я бы тоже не стал так затягивать. На пару часов опоздать – ещё куда ни шло.

– С такими взглядами на пунктуальность, и до сих пор живой! – восхитился шеф.

– Просто бегаю быстро. Ладно. Я правильно понимаю, что надо подежурить в твоём кабинете, а кроме меня никому?

– Неправильно. Дежурства я уже раскидал...

– Дежурства? – насторожился я. – То есть их больше одного? Это твоё свидание надолго?

– Ну, скажем так, есть некоторая вероятность, что оно окажется несколько более продолжительным, чем возможно запланировать, – небрежно заметил Джуффин. – Ну что ты так на меня уставился, сэр Макс? Можно подумать, сам никогда на Темную Сторону не ходил.

– А. Так на самом деле...

– На самом деле я сказал тебе чистую правду. Просто некоторые свидания удобнее назначать на Темной Стороне. Что тут необычного?

Подумав, я был вынужден согласиться:

– Пожалуй, ничего.

– Ну хвала Магистрам. А то я уже начал опасаться, что тебя подменили. Какой-то ты сам не свой.

– Есть немного, – признал я. – Просто мне весь день морочили голову разные прекрасные леди. Во сне и наяву, сменяя друг друга в порядке очереди.

– Надо же. Вот что значит весна – все бросились налаживать личную жизнь.

– Да не то чтобы вот прямо налаживать, – вздохнул я. – Они мне не ту голову морочили. В смысле действительно именно голову. Одну только голову и больше ничего. Прочие части тела не были задействованы в процессе. Жизнь порой удивительно сурова и несправедлива. По крайней мере, когда она – моя.

– Вот все-таки чувствуется Кобина школа. Он тебя, помнится, всего одну ночь побираться учил⁷, а какого мастера скорбной песни вырастил! Удивительно талантливый он педагог, мне и не снилось.

– Просто именно в этой области я очень способный, – скромно заметил я. – И если не хочешь вот прямо сейчас услышать ещё одну скорбную песнь, скажи мне человеческим голосом: когда ты вернешься? Это тайное знание скрасит мое унылое существование.

– Ну так в том и штука, что я пока понятия не имею. Может, нынче вечером, а может, только к лету.

Сделав это душераздирающее признание, Джуффин улыбнулся столь ослепительно, словно ничего лучше, чем перспектива сгинуть аж до лета с ним ещё никогда в жизни не случилось.

Впрочем, не удивлюсь, если так и есть.

---

⁷ Об этом рассказывается в повести «Неуловимый Хабба Хэн».

Я даже не нашелся, что на это сказать. Не напоминать же человеку, что он сам изобрел несколько прекрасных надежных способов своевременного возвращения с Темной Стороны. Если Джуффин предпочитает о них не вспоминать, значит так ему сейчас удобней. В конце концов, он и правда живой человек. А любой живой человек может внезапно захотеть развеяться, мне ли этого не знать.

Но шеф и сам понял, о чем я так выразительно молчу.

– Мои приемы хороши, когда гуляешь по Темной Стороне в одиночку, – сказал он. – Ну или со спутниками, которым гарантированно можешь навязать свой ход времени.

– Навязать ход времени?!

– Именно. Ты и сам должен бы понимать, что ход времени на Темной Стороне для каждого индивидуален – как, впрочем, и ее облик, и ощущения, которые мы там испытываем. И вообще все. Темная Сторона – это очень личное переживание, даже когда мы идем туда вместе с другими людьми. Кстати, именно поэтому традиция рекомендует ставить на границе Стража, который берет на себя контроль за общим путешествием и помогает всем участникам оставаться сплоченной группой и вернуться, соответственно, одновременно, а не как получится. Со Стражами, сам знаешь, тоже порой случаются неприятные задержки, когда, погуляв по Темной Стороне какие-нибудь несчастные пару часов, возвращаешься домой с опозданием на несколько суток, зато можно быть уверенным, что никто из путешественников не сойдет с ума, запутавшись в нескольких чужих потоках восприятия времени и вернувшись в какое-нибудь дурацкое позавчера, где ему уже давно не место. Или даже в несколько разных моментов времени сразу, как печально известный колдун эпохи правления Клакков Грогги Хлейс по прозвищу Пятеро Грогги. Бедняга имел неосторожность принять участие в большом пикнике на Темной Стороне при участии нескольких любопытствующих древних Магистров. И так стремился вернуться домой к назначенному времени, что от избытка усердия угодил в пять разных дней одновременно. То есть сперва думали, что всего в четыре, но примерно год спустя появилась его пятая копия; кстати, примерно тогда же вернулись все остальные участники пикника, которым хватило благоразумия не торопиться.

– И такое бывает? – ужаснулся я.

– Да вообще все бывает. Но не обязательно именно с нами, и это в данном случае хорошая новость.

– Да, неплохая. И как он потом жил – впятером?

– Судя по дошедшим до наших дней сведениям, довольно непросто. Оно и понятно: для человека с тяжелым характером и совсем небольшой квартирой заполучить столько близнецов сразу – сомнительное благо. Особенно когда каждая из копий искренне считает себя оригиналом и периодически велит остальным выметаться вон.

– Ладно, у меня, если что, хотя бы дом большой, – вздохнул я. – Пару дюжин неприхотливых допельгангеров вполне можно разместить. Но какая лютая будет битва за право в одиночку сидеть на крыше! Заранее содрогаюсь.

– Не бери в голову, сэр Макс. Ты-то лучше всех устроился: можешь просто попросить Темную Сторону никогда, ни при каких обстоятельствах не подсовывать тебе двойников. И она, как обычно, исполнит этот твой маленький каприз – чем он хуже прочих?

– Точно! – обрадовался я. – Надо будет при случае заключить с ней такой договор. Хорошего понемножку, особенно если это хорошее – я.

– На самом деле подобные недоразумения случаются очень редко, – утешил меня Джуффин. – Обычно в любой группе путешественников кто-то оказывается ощутимо сильнее прочих, так что все остальные постепенно включаются в его персональный поток восприятия и, таким образом, существуют на Темной Стороне более-менее одновременно. Понятно, о чем я?

– Естественно, нет.

– Неважно, – отмахнулся он. – Это не к спеху, когда-нибудь разберешься. А пока просто поверь на слово: я могу задержаться, потому что буду на Темной Стороне не один. И совсем не факт, что мы непременно окажемся в моем потоке восприятия. Это, конечно, было бы гораздо разумней, но далеко не так интересно, как пустить процесс на самотек. Однако в отставку я, увы, пока не подавал. Поэтому если мое отсутствие чересчур затянется, ты знаешь, где меня искать. Я, конечно, не особо обрадуюсь, но когда это тебя останавливало.

– «Чересчур» – это сколько? – спросил я. – Ты меня знаешь, я и через час могу примчаться с воплями: «Куда ты запропастился?»

– Буду чрезвычайно тебе признателен, если ты все-таки сдержишь этот порыв.

– Сдержу. Но только если у меня будет четкая инструкция, когда можно начинать. Обожаю паниковать по расписанию.

– Ладно, – вздохнул Джуффин. – Будем рассуждать, опираясь на мой житейский опыт. До завтра вы без меня точно не пропадете. И за два дня моего отсутствия ничего вам, пожалуй, не сделается. А вот насчет трех я уже не так уверен. К этому времени всем настолько надоест дежурить в моем кабинете, что сэр Мелифаро добровольно вызовется помогать Городской Полиции, Кофа величественно удалится в ночь, не удосужившись дать сколь-нибудь разумные объяснения этому поступку, леди Кекки сочинит себе какое-нибудь срочное секретное дело при Королевском дворе, Нумминорих безмятежно предастся духоподъемному искусству сновидений прямо на моем рабочем столе, а у тебя сдадут нервы, и ты добровольно вызовешься подменить всех сразу. И, чего доброго, надорвешься с непривычки, потому что в последнее время обленился до безобразия.

– При твоём попустительстве, плавно переходящем в подстрекательство, – заметил я.

– Не спорю, но это ничего не меняет: ты сгоришь на работе буквально за сутки. И вот тогда по возвращении на меня обрушатся настоящие проблемы – как минимум с Орденом Семилистника. Возможно, к моим гонителям захотят присоединиться говорящие животные, модные архитекторы, Его Величество Гуриг Восьмой и пара дюжин столичных трактирщиков, но их активное участие в травле пока под вопросом, поскольку зависит от целого ряда сопутствующих обстоятельств.

Я был вынужден признать, что примерно так все и будет. Если бы сэр Джуффин Халли вдруг решил зарабатывать на жизнь предсказаниями, затмил бы даже Нумбанского Правдивого Пророка, в очередь к которому, говорят, уже записываются на дюжину дней вперед.

– Поэтому если я задержусь больше, чем на трое суток, можешь меня поторопить, – резюмировал он. – Но очень тебя прошу, ни минутой раньше.

– Ладно, – кивнул я. – Если только небо не рухнет на землю.

– Если рухнет, приделай его на место, – твердо сказал шеф. – Самостоятельно. Клей в нижнем ящике моего письменного стола, гвозди... да, за гвоздями придется послать в скобяную лавку. Адрес ближайшей, извини, не подскажу, Кофу спроси.

– Кошмар! – восхитился я. – В жизни не думал, что ты способен настолько на все забить. Не знаю, с кем у тебя свидание, но твоему визави следует поставить памятник.

– А я уже поставил, – невозмутимо отвечал Джуффин. – Надгробный. – И, вдоволь насладившись выражением моего лица, добавил: – Надо же было как-то объяснить знакомым, куда вдруг подевалась моя жена.

На этом интересном месте он, разумеется, превратился в туманное облако и грациозно выполз в окно, не забыв пожелать мне на прощание хорошего дня.

Чудовищный человек. Зато, как внезапно выяснилось, примерный семьянин, чуждый легкомысленных интрижек. Кто бы мог подумать.

Все это произвело на меня столь сокрушительное впечатление, что я даже о внезапно пробудившихся угрызениях совести забыл. Не говоря уже о гламитариунмайохе, возможности

исцелять спящих, будущей головокружительной карьере леди Кекки Туотли и всем остальном, что хотел обсудить с Джуффином. Но потом, конечно, вспомнил – после того, как допил обнаруженные в кабинете шефа остатки камры и мстительно раскурил его трубку в надежде, что отвратительный вкус местного табака приведет меня в чувство.

Так, собственно, и вышло.

Ладно, решил я, все успеется. Наговоримся еще. Подумаешь – какие-то три дня. Кресло уандукского посла не освободится до начала лета, слово «гламитариунмайоха», так и быть, вызубрю заново, а с угрызениями совести все равно придется разбираться самому. Никакой Джуффин тут не поможет, даже если вернется с Темной Стороны в количестве пяти штук. Впрочем, лучше какое-нибудь четное число: тогда они отлично разобьются на пары для игры в «Крак» и будут счастливы до конца своих дней. То есть вечно. Потому что совсем дураком надо быть, чтобы помереть в столь благоприятных обстоятельствах. Лично я ни за что не стал бы.

Заклучив какое-то подобие перемирия с собой и с бурибухом Курушем, который вечно бранит меня за привычку устраивать сквозняки, я удобно устроился в начальственном кресле и принялся обдумывать разнообразную информацию, свалившуюся на меня за последние полтора часа. С информацией у меня непростые отношения. В смысле я никогда заранее не знаю, какая ерунда засядет в моей дурацкой голове на всю оставшуюся жизнь, а что вылетит из нее уже к вечеру. Но печальный опыт показывает, что первым делом я обычно забываю самые важные и полезные факты. И все, что с этим можно сделать, – срочно сообщить их потенциально заинтересованным лицам.

Поэтому я, не откладывая, послал зов своему другу Абилату, по совместительству Главному Королевскому Знахарю. Для него у меня была новость – не факт, что особо важная, но это уже ему решать.

«Ты, помнится, говорил, что никогда не лечил спящих, – не здороваясь, сказал я. – И жаловался, что даже азам научиться негде, потому что наши ученые не особо интересуются сновидениями, тубурцам, которые вообще все делают во сне, плевать на медицину, а остальные... Точно уже не помню, но с твоих слов выходило, что у всех остальных тоже есть какие-то уважительные причины ни хрена не уметь».

«Да, – откликнулся Абилат. – Мне было бы гораздо спокойнее знать, что если вдруг встречу больного сновидца, смогу ему помочь. Но как этому научиться, совершенно не представляю. Даже сэр Джуффин только и смог что дать мне совет всегда носить за пазухой пару крупных кристаллов Утешения».

«Ого! Так все-таки есть лекарство?»

«Боюсь, что нет. Кристаллы Утешения, по замыслу сэра Джуффина, должны помогать мне самому. Не слишком огорчаться, что я не способен сделать невозможное».

«Так вот, на самом деле ни фига оно не невозможное! – торжествуя сказал я. – Только сегодня говорил с одной юной леди, которой повезло немного поучиться знахарскому делу в Суммони. И выяснилось, что там с этого начинают обучение. Представляешь? Сперва новички учатся сниться своим пациентам и только потом – лечить их наяву. Всегда подозревал, что в Уандуке творятся всякие невероятные вещи, а мы тут сиди и не знаем ни хрена».

«Где, ты говоришь, она училась?» – переспросил Абилат.

«В Суммони», – повторил я.

«Удивительно. До сих пор я думал, что более-менее знаю все медицинские традиции Уандука. Причем не только из книг. Я же переписываюсь с некоторыми тамошними знахарями, в том числе, кстати, с госпожой Аттапи Кум Мааюн Киялти,левой Полуденной Рукой Суммонийского Союза Милосердных; не стану морочить тебе голову сведениями о внутренней иерархии союза, просто поверь на слово, это звание, подразумевает высочайшую компетентность».

«Ну, тогда ты должен знать о лечении спящих гораздо больше, чем моя знакомая».

«Должен-то должен, а слышу об этом впервые. Может быть, моя суммонийская коллега вовсе не так охотно делится знаниями, как мне казалось? И в книгах они самого главного не пишут? Лично я считаю, что знахарям не следует иметь друг от друга секретов, но единомышленников у меня немного... Познакомишь меня с этой леди? Я бы ее расспросил. Ужасно интересно, что она расскажет».

«Да, мне тоже интересно, что она расскажет, – откликнулся я. – Ладно, подумаю, как это устроить. Леди на меня сердита, причем не то чтобы совсем безосновательно, но...»

«Ух ты! – почему-то восхитился Абилат. – То есть бывают люди, способные на тебя рассердиться?»

Из этого чрезвычайно лестного для меня замечания легко можно понять, что Абилат познакомился со мной сравнительно недавно. Многие удивительные открытия были у него еще впереди.

Заручившись обещанием как-нибудь свести его с обладательницей полезных знаний, Абилат распрощался, и в моей голове сделалось удивительно пусто и звонко, как это всегда бывает после окончания более-менее продолжительного Безмолвного разговора. Все-таки я до сих пор возмутительно быстро от них устаю.

– Эй! – сказал я своей голове. – Ты это дело прекращай. Мне тобой еще думать и думать. Например, о девушках – твоя любимая тема, давай, включайся уже! И начни пожалуйста с одной симпатичной блондинки, любезно увесившей наши с тобой уши отборной лапшой.

Голова не спешила становиться на путь исправления, зато Куруш соизволил слететь с верхней полки книжного шкафа, где до сих пор дремал, на мое плечо.

– С кем ты разговариваешь? – поинтересовался он.

– Со своей головой, – честно ответил я, в надежде, что буривуха такой ерундой не проймешь. После всего, что он уже слышал в стенах этого кабинета, шокирующим признанием больше, шокирующим признанием меньше, один черт.

– Всегда знал, что для человека ты довольно неглуп, – одобрил меня Куруш. – Поговорить с собой бывает очень полезно! Лично я провожу серьезную беседу со своими крыльями всякий раз, когда хочу преодолеть расстояние, которое с непривычки может показаться им слишком большим. И с клювом, если он не желает раскалывать твердый орех. А остальные части тела и без моих увещаний ведут себя неплохо.

– Отличные у тебя части тела, – откликнулся я. – Теперь всегда буду ставить их в пример своим. Может, образумятся.

Однако заняться воспитанием частей своего тела мне не дали. В распахнутую дверь кабинета ворвался вихрь, по сравнению с которым устроенный мною сквозняк мог показаться полным штилем. Куруш уж насколько обычно невозмутим, а предпочел ретироваться на шкаф и угрожающе нахохлиться.

В отличие от прочих весенних ветров, постигшее нас стихийное бедствие имело плотность, объем и даже цвет – преимущественно зеленый. И обладало даром речи, временами более-менее связной. А также даром узнавания меня, даром приветственного размахивания руками и даром условно грациозного перепрыгивания через Джуффинов письменный стол. Прыжок, вероятно, должен был символизировать радость встречи со мной. Ну или наоборот, безысходное отчаяние, поди разбери.

– Что ты вообще тут делаешь? – спросил сэра Мелифаро после того, как все, что могло быть сметено со стола лапами его многослойного лоохи, оказалось на ковре, а сам он удобно устроился на подлокотнике моего кресла.

– Сiju, – лаконично отвечал я.

– Вместо того, чтобы шляться неведомо где, неубедительно имитируя полезную деятельность? Я тебя не узнаю.

– Случилось страшное, – объявил я. – Начальство сбежало от нас в неведомые дали, и теперь я – повелитель Мира.

– Обойдешься! Согласно любезно составленному шефом графику, повелитель Мира у нас – я. С этого момента и примерно до полуночи. Потом меня свергнет с престола Кофа, а его самого поутру – то ли Кекки, то ли Нумминорих; лично я так обрадовался возможности заняться с утра своими делами, что не запоминал. Но твоего имени среди претендентов на это кресло, насколько я помню, вообще не было. Впрочем, если захочешь восстановить справедливость, тебе не понадобятся ни яд, ни кинжал. Мы – очень сговорчивые узурпаторы, заранее готовые уступить власть над Миром первому попавшемуся проходимцу вроде тебя. И даже приплатить, если понадобится.

– Спасибо, но я, пожалуй, воздержусь. Власть, говорят, возвращает.

– По-моему, ты поздновато спохватился, – ухмыльнулся он.

– Лучше поздно, чем никогда, – сказал я, потихоньку выползая из кресла и отступая к стратегически важному объекту подоконнику. – Никогда не знаешь, как далеко можешь зайти по стезе порока. Хорошего дня!

И выпрыгнул в окно.

Вероломный поступок, кто бы спорил. Но меня можно понять: все-таки сэр Мелифаро – очень опасный человек. Один из немногих, кто способен подбить меня составить ему компанию, слопать простодушно заказанный мною обед, а потом с невинным видом слинять домой, бросив на прощание: «Только не уходи, пока не дождешься Кофу, он обещал скоро быть, максимум – через три часа». Сколько он мне такое устраивал, не сосчитать, но я все равно каждый раз заново попадаюсь в эту нехитрую ловушку.

Но не сейчас! – твердо решил я. И не потому, что у меня были какие-то особо неотложные планы на вечер, а просто так. Из принципа.

– Эй, – изумленно сказал мне вслед Мелифаро, высунувшись из окна по пояс. – Ты это серьезно? То есть вот так сразу уйдешь и камры со мной не выпьешь? И ни о чем не спросишь? И сам не расскажешь? И даже не обругаешь мои новые сапоги?!

Я не стал оборачиваться. Надменно вздернул подбородок и свернул за угол. И даже прошел еще несколько метров. На большее моей принципиальности, увы, не хватило, и я снова возник на пороге кабинета. В смысле вернулся туда Темным Путем. Дешевый трюк, конечно, но иногда просто невозможно держать себя в руках. Я же, на самом деле, сравнительно недавно этому научился. И еще не наигрался.

Впрочем, судя по тому, что порой творят некоторые мои знакомые, вполне можно не наиграться и за несколько тысяч лет. А уж с меня какой спрос.

– Слушай, действительно лютый ужас, – уважительно сказал я, уставившись на позолоченные бахилы Мелифаро, изготовленные не то из многослойного одеяла, не то из очень толстого ковра, такие громоздкие, что впору было бы считать их валенками, и затейливо украшенные пришитыми к голенищам тряпичными цветами. – Даже от тебя не ожидал. Это что, вошло в моду? И теперь все вокруг будут в таких ходить? Или ты просто великодушно решил довести меня до нервного срыва?

– Одно другому не мешает, – ухмыльнулся он. – Не знаю, все ли будут это носить, но нормальные люди, дающие себе труд следить за новейшими модными тенденциями – несомненно. Говорят, нынче утром добрая половина придворных Его Величества явилась в подобной обуви на торжественный завтрак в честь доставки официального послания Куманского Халифа, традиционно поздравившего нашего Короля с благополучным окончанием еще одного счастливого года.

– Как – с окончанием года? – растерялся я. – Это же давным-давно было.

– Ну так почта из Уандука довольно долго идет, даже срочная Королевская, – пожал плечами Мелифаро. – А Халиф Нубуйлибуни Цуан Афия слишком искренний человек, чтобы

писать поздравительные письма заранее. Он считает, что найти нужные слова можно только проникнувшись особым настроением последнего дня уходящего года. А потом, говорят, так входит во вкус, что еще добрую дюжину дней дописывает и переделывает свои послания. И сам срезает в саду цветы, чтобы засушить и вложить в конверты.

– Цветы в конверты?! Ты это серьезно?

– Абсолютно. Согласно куманским эпистолярным традициям, интонацию письма, в которое не вложен хотя бы один цветок, следует считать в лучшем случае саркастической. Поскольку воевать с нами куманцы, хвала Магистрам, пока не собираются, все послания халифа Его Величеству набиты сеном так, что конверты лопаются.

– Всегда подозревал, что для разговоров о международной политике у меня недостаточно крепкая психика, – восхищенно вздохнул я.

Испытания, выпавшие на долю моей психики, на этом, разумеется, не закончились. Мы с Мелифаро еще долго обсуждали международную политику – как мы ее себе представляем. То есть сплетничали о сватовстве Завоевателя Арвароха к младшей дочери Шиншийского Халифа, ко всеобщему разочарованию оказавшемся газетной уткой; выдающемся дебоше в «Джубатыкском фонтане»⁸, учиненном юными принцессами из княжества Кебла; авантюристе, объявившем себя опальным наследником тардукского престола и успевшем посетить в этом качестве несколько званных вечеринок на виллах столичных аристократов, прежде чем его новые приятели, недосчитавшись драгоценных столовых приборов, сообразили внимательно посмотреть на географические карты и обнаружили, что государства под названием Тардук в нашем Мире нет.

Заодно обсудили короткий трагический роман почтенной чангайской посланницы с заместителем начальника Городской Полиции. В финале наш общий друг Трикки Лай, живописно задрапировавшись в простыню, убежал по крышам от полудюжины поджидавших его в спальне юристов, заранее подготовивших соответствующий брачный контракт – без официального документа граждане Чангайской Империи ни при каких обстоятельствах ни с кем в постель не ложатся, тем более дипломаты.

На самом деле убежать было совсем не обязательно, контракт, по слухам, составили короткий, всего на полгода и без дополнительных внутрисемейных обязанностей, но при виде стопки бумаг у Трикки сдали нервы; счастье еще, что он абсолютный чемпион Угуланда в недавно вошедших в моду гонках по вертикальным стенам, а чангайским юристам до серьезных успехов в этом виде спорта пока далеко.

Еще немного, и вечер вполне мог бы завершиться по обычному сценарию. То есть у Мелифаро были все шансы смыться домой, оставив на дежурстве окончательно утратившего бдительность меня. Однако прежде, чем он приступил к исполнению этой части своего зловещего плана, в моей голове раздался голос. Девичий. И ровно настолько жалобный, насколько это необходимо, чтобы вернуть меня даже с дальнего края Вселенной. А уж с улицы Медных Горшков – вообще не вопрос.

«Все пропало!» – сказала Базилио.

Хвала Магистрам, я знаю ее не первый день. Поэтому вместо того, чтобы хвататься за сердце, деловито уточнил: «Все – это у нас сегодня что именно?»

«Я не могу найти доску для игры в “Злик-и-злак”, – пожаловалась она. – Не представляю, куда ее засунули. Я уже весь дом перерыла! А ко мне через полчаса придет сэр Умара Камал-кони. И не просто так, а специально чтобы поиграть! Ты мне поможешь?»

---

⁸ «Джубатыкский фонтан» – пожалуй, самая скверная забегаловка в Ехо, хуже печально известных трактиров в припортовых кварталах. Расположена на одной из окраин Старого Города. В центре зала бьет неиссякаемый фонтан Джубатыкской пьяни – крепкого дешевого напитка. С посетителей берут заранее установленную плату за вход, пить можно неограниченно.

Услышав этот вопрос, любой мой знакомый сложился бы пополам от хохота. Предполагать, будто я способен быстро найти пропавшую вещь – не просто наивный оптимизм, а чистой воды безумие. Вот потерять – это всегда пожалуйста. Особенно с тех пор, как я поселился в Мохнatom Дoме, таком огромном, что некоторые дальние комнаты все еще кажутся мне таинственной неизученной территорией, чем-то вроде Великой Красной пустыни Хмиро или Пустой Земли Йохлимы. Впору слагать о них зловещие легенды и рассказывать притихшим домочадцам долгими весенними вечерами под завывания сквозняков.

Впрочем, во всех моих предыдущих квартирах, среди которых попадались совсем тесные клетушки, нужные вещи исчезали, а ненужные появлялись неведь откуда ничуть не реже, чем здесь. Так что дело, боюсь, все-таки не в размерах помещений.

Тем не менее, Базилио вовсе не сошла с ума, призывая меня на помощь. А напротив, обратилась по адресу.

Буквально несколько дней назад, окончательно устав бороться с бардаком, неизбежно воцараживающимся везде, где я появляюсь, я собрался с духом и разучил Малое Заклинание Призыва. То есть не тайное достояние немногих посвященных, способное лишить воли и привести в лапы заклинателя любого могущественного врага, а вполне общедоступное, специально изобретенное, чтобы находить потерянные вещи. Или, скажем, быстро заполучить в свой карман забытый дома кошелек. Единственное обязательное условие – чтобы вещь принадлежала заклинателю или хотя бы раз побывала в его руках. Уж не знаю, каким образом наше барахло отличает своих от посторонних, однако факт остается фактом: стибрить чужое имущество при помощи Малого Заклинания Призыва практически невозможно. Старейшие сотрудники Городской полиции до сих пор с содроганием вспоминают Тулари Эйса, магистра-расстригу, изгнанного из могущественного Ордена Решеток и Зеркал – вот ему было достаточно всего раз мельком взглянуть на чужие драгоценности, чтобы потом призвать их к себе. Но его в итоге уколошили бывшие коллеги за попытку похищения каких-то особо ценных Орденских реликвий, а других таких мастеров наша эксцентричная земля вроде бы пока не рожала.

Настоящее Заклинание Призыва – одна из самых труднодостижимых вершин магического искусства: двести какая-то с хвостиком, ступень Черной Магии и примерно такая же Белой; применять их следует одновременно, предварительно расщепив собственное сознание на два равновеликих потока, что бы это ни означало – словом, развлечение хоть куда. К нему я пока даже не подступался: хвала Магистрам, без этого умения вполне можно прожить. Совершенно не представляю, что должно случиться, чтобы я начал гоняться за могущественными врагами. Честно говоря, я вообще не понимаю, где их нынче берут.

Если же рассматривать интенсивные занятия Очевидной Магией как эффективный способ быстро и качественно свихнуться, то Малого Заклинания Призыва для этой цели, как по мне, вполне достаточно. Притом, что ступень там всего тридцать какая-то с хвостиком – вроде бы, вообще не о чем говорить. Однако в ходе обучения выяснилось, что я практически не способен искренне захотеть заполучить в свое распоряжение какую-то вещь. Теоретически понять, что она мне нужна – запросто, но испытать по этому поводу хоть какие-то чувства, кроме привычного раздражения у меня не выходит. А без сильного, я бы даже сказал, страстного желания обладать искомой вещью Малое Заклинание Призыва не работает. Поэтому учился я не столько колдовать, сколько разыгрывать душераздирающие внутренние драмы: «А-а-а, где мой сладчайший в Мире сапог, я его жажду, жить без него не могу!»

Очень трудно, но все-таки легче, чем ежедневно отправляться на поиски неведь куда запропастившихся сокровищ. Или наблюдать, как это делают другие, переворачивая кверху дном окружающий тебя домашний мир, и без того не шибко устойчивый. Поэтому Малое Заклинание Призыва я все-таки одолел. И теперь могу быстро и без особых интеллектуальных усилий найти пресловутый сладчайший сапог. Или одну из студенческих тетрадей, которые вечно приносят из Королевского Университета наш домашний профессор Дримарондо, а

потом оставляет, где попало, как и положено рассеянному гению. И остальные так называемые мелочи, придуманные якобы для нашего удобства и удовольствия, а на самом деле с исключительно злодейской целью приучить нас к ежедневным безвозвратным потерям – кружки, кувшины, полотенца, кольца, кинжалы, головные уборы, книги, светильники, курительные трубки, шкапулки с документами, кресла, ковры, картины, жаровни, сундуки, амобилеры – вот это вот все.

Так или иначе, а ежедневный кошмар остался в прошлом. Теперь я способен мгновенно отыскать все что угодно – даже в собственном доме, а значит, вообще везде.

А вот чему я вряд ли когда-нибудь научусь, так это игнорировать просьбы Базилио. Еще в ту пору, когда мое домашнее чудовище выглядело как пародия на василиска с головой индюка, чешуйчатым рыбьим туловищем и лисьим хвостом, оно изобрело на удивление простой способ вить из меня веревки: спрятаться в укромном углу и как бы незаметно пустить слезу. У долговязой рыжей девицы с фиалковыми глазами этот трюк получается ничуть не хуже. Общеизвестно, что я в лепешку разобьюсь, лишь бы хоть немного облегчить ее жизнь, и без моих усилий вполне замечательную.

– Извини, – сказал я приунывшему Мелифаро. – Вот так живешь-живешь, горя не знаешь, и вдруг внезапно выясняется, что тебя ждет неотложное дело государственной важности.

Что самое смешное, я даже не соврал. Дело о поиске игровой доски, если бы мне взбрело в голову включить его в ежегодный отчет, немедленно отправилось бы в Джуффинов сейф под грифом «совершенно секретно». Потому что под видом пожилого Старшего Помощника Придворного Профессора овеществленных иллюзий Умары Камалкони Базилио навещает Его Величество Гуриг Восьмой. Когда-то он придумал этот маскарад, чтобы поглазеть на поселившееся в моем доме чудовище, и сам не заметил, как влип. В смысле подружился с Базилио и, похоже, очень дорожит этой дружбой. По крайней мере, навещает ее чуть ли не через день. Но правды о себе, конечно, не рассказывает. И, наверное, правильно делает. Я и сам на его месте не стал бы открывать карты. Все-таки некоторые профессии здорово мешают нормальным человеческим отношениям, и Королю в этом смысле приходится хуже всех.

Несколько секунд спустя я уже был в гостиной Мохнатого Дома. Не откладывая, исполнил Малое Заклинание Призыва и обессиленный рухнул на ковер. Ни капли не притворялся, это и правда очень тяжелый труд, по крайней мере, на первых порах. Но все равно легче, чем искать пропавшую вещь, последовательно перерывая все комнаты. И, что особенно важно, гораздо быстрее.

А потом мы с Базилио зачарованно наблюдали, как медленно и неохотно выползает из-под шкафа потерявшаяся игровая доска. Доске было нелегко: мало того что она сама по себе предмет неодушевленный и к самостоятельному передвижению не слишком приспособленный, так еще сверху лежал кот Армстронг, временно избравший ее любимой подстилкой для сна и не считавший нужным изменять свое решение только потому, что его ложу, видите ли, приспичило немного поползать. Поэтому с доски он не прыгивал, а напротив, насмерть вцепился в нее когтями и басовито подвывал от возмущения.

– Так вот где она была! – сказала Базилио. – Причем представляешь, я же под шкаф первым делом заглянула. Привыкла уже, что все недавно сгинувшие из гостиной вещи обычно оказываются или за диваном, или там. Но разглядела только кота, а доску под ним, не заметила. И тебе пришлось столько сил на призыв потратить. Прости!

– Да ладно, – вяло отмахнулся я. – Все равно мне нужно ежедневно практиковаться. А добровольно я сегодня этим ужасом заниматься не стал бы.

Но если уж Базилио решила почувствовать себя виноватой, никакие силы в Мире не смогут ей помешать.

– Я тебя от очень важного дела отвлекла? – печально спросила она.

– Не особенно, – ухмыльнулся я. – Всего лишь от спасения соседней Вселенной. Но это ерунда. Вселенной больше, Вселенной меньше, не бери в голову.

– Кккак это – Вселенной меньше?!

Глаза Базилио стали размером с блюдца, а нижняя губа задрожала. Вечно я забываю, что чувство юмора у нее теоретически есть, но включается только если заранее предупредить, что мы сейчас начнем шутить.

– Извини, – сказал я. – На самом деле соседняя Вселенная в полном порядке. И все дальние. И наша тоже. Я просто хотел тебя насмешить.

– Слушай, а почему гибель Вселенной – это должно быть смешно? – нахмурилась Базилио. – Ты можешь объяснить? Есть вообще какие-то четкие правила – когда смешно, а когда нет?

– Ну, четкие – это вряд ли, – вздохнул я, безуспешно пытаясь подняться с ковра. – Все-таки комизм происходящего обычно зависит от знания контекста. Вот даже прямо сейчас – если кто-то совсем посторонний увидит, как я тут на четвереньках ползаю, ему станет смешно: какой пьяный дурак! Если это будет человек, который беспокоится о моем благополучии, он, чего доброго, испугается. А тебе и не смешно, и не страшно, потому что ты знаешь: я просто временно ослаб, переколдовав с непривычки. Так уже много раз было, обычное дело, скоро пройдет.

– Да, это ясно, – нетерпеливо кивнула она. – Но про Вселенную все равно непонятно. Что смешного в том, что ты ее якобы спасал, а я тебя отвлекла?

– Кажется, это называется «гипербола», – вспомнил я. – Художественно преувеличение, доведенное до абсурда...

– А, так это и была гипербола! – обрадовалась Базилио. – Про гиперболы я знаю, мне же Дримарондо учебник для первокурсников подарил. Я его три раза прочитала и даже думала, что поняла. Но получается, все-таки нет! Наверное, дело в том, что мне вовсе не кажется преувеличением предположение, будто ты можешь спасти Вселенную и невовремя отвлечься от этого занятия. И то, и другое очень на тебя похоже.

– Ну не до такой же степени, – растерянно возразил я.

Но и сам понимал, что это прозвучало не слишком убедительно.

Потом Базилио схватила плененную мною игральную доску и, наскоро превратившись в ужасного василиска, убежала встречать своего долгожданного гостя, а я кое-как собрался с силами и отправился на крышу. Крыша Мохнатого Дома – идеальное место, чтобы привести себя в порядок. Впрочем, можно никого никуда не приводить, а сидеть там просто так. Плохо ли мне, хорошо ли, один я или с гостями, устал или отлично выспался, ощущаю себя центром Вселенной или, напротив, не вижу в собственном существовании никакого смысла, первым делом лезу на крышу, а уже потом думаю, что делать дальше. Иногда даже придумываю что-нибудь путное. Примерно один раз из десяти.

Однако сейчас мои шансы на когнитивный триумф были исчезающе малы. Потому что я, во-первых, устал, во-вторых, очень устал, в-третьих, устал смертельно. А в-четвертых, так избалован возможностью всегда получить толковый совет по любому вопросу, что мой мыслительный процесс вечно норовит свестись к выбору: кого на этот раз припахать? Все вокруг такие умные, что глаза разбегаются.

Впрочем, выбирать совершенно не обязательно. Можно опросить всех по очереди, а потом, обдумав полученные советы и окончательно запутавшись в противоречиях, начать по новой. И так несколько раз. Как они все меня терпят, ума не приложу. Джуффин, впрочем, уже сбежал на первое попавшееся свидание, не выдержав непосильной интеллектуальной нагрузки. И его можно понять.

Но остальные потенциальные советчики пока, хвала Магистрам, оставались на месте. И я без труда выбрал первую жертву. Благо был не только порядком озадачен, но и голоден, как целый полк людоедов, три года страдавших в жестоком вегетарианском плену. С момента приятной, но мимолетной встречи с Кеккиным пирогом прошла уже целая вечность, а камра, пару кувшинов которой мы с Мелифаро выдули за болтовней, при всем моем уважении, недостаточно питательна для человека, весь день скакавшего туда-сюда Темным Путем и между делом рассеянно применявшего разнообразные ступени Очевидной Магии. Меж тем колдовать на голодный желудок не то чтобы просто не советуют, а даже строго-настрого запрещают и старинные трактаты, и новомодные инструкции, и все опытные здравомыслящие колдуны.

Поэтому я послал зов самому здравомыслящему из моих знакомых опытных колдунов и спросил: «Что вы посоветуете человеку, который хочет срочно съесть нечто выдающееся в хорошей компании?»

Сэр Кофа Йох не обманул моих ожиданий. Сразу спросил: «Словосочетание «куанкулехская кухня» тебя не очень пугает?»

«Не очень, – заверил его я. – В меру. Можно сказать, приятно щекочет нервы. Куда приходить?»

«В «Розовый Тысяченог» на Седьмой Небесной улице».

«Розовый Тысяченог? Действительно впору испугаться. А Седьмая Небесная – это у нас где?»

«Недалеко от причала Макури».

Не самый исчерпывающий ответ. Знаю я этот причал Макури, искать в том районе что бы то ни было, включая, собственно, сам причал, дорогу к которому я в свое время запомнил хорошо если с десятого раза – один из самых простых способов быстро сойти с ума. К счастью, искусство Темного Пути позволяет победить не только пространство как таковое, но и прилагающиеся к нему топографические ловушки. Как я все эти годы без него обходился? И даже порой умудрялся более-менее вовремя приходить на некоторые встречи. Теперь даже не верится.

«Только имей в виду, у меня не так много времени, как хотелось бы, – добавил Кофа. – Постарайся не задерживаться».

* * *

Задерживаться я не стал. Появился на пороге трактира «Розовый Тысяченог» буквально через три минуты. Одна из них ушла на то, чтобы в очередной раз скрыть свое истинное лицо под первой попавшейся посторонней рожей, а еще две – на разрешение глубокого внутреннего конфликта, в ходе которого одна часть моей сложносочиненной личности требовала сменить старое зимнее лоохи, благополучно вышедшее из моды чуть ли не при Королеве Вельдхут, на более приличную одежду, а вторая лениво отмахивалась: ай ладно, и так сойдет. Победила, ясное дело, вторая. Она всегда побеждает. Поэтому, по уверению большинства моих друзей, смотреть на меня без слез, конечно, можно. Но не очень долго. Потом жалостливость берет свое.

Оглядевшись по сторонам, я сперва решил, что мой затрапезный вид отлично гармонирует с окружающей обстановкой: неровный каменный пол, низкий потолок, заляпанный не то экзотическими соусами, не то кровью жертв недавней кабацкой драки, стены, выкрашенные в убийственно яркий розовый цвет и разрисованные изображениями разнообразных обитателей моря – хотелось бы надеяться, вымышленных. Магическая реальность магической реальностью, а все-таки некоторым вещам следует оставаться в области невозможного. Например, крылатому лиловому спруту с глазами, расположенными прямо на щупальцах, или моллюску,

смахивающему на только что вырванное из груди сердце, спешно отрастившее себе примерно пару миллионов острых желтых клыков.

Вдоволь налюбовавшись шедеврами стихийного сюрреализма, я обратил взор к едокам, до отказа заполнившим небольшой зал. И удрученно подумал: «Эх, все-таки надо было переодеться». Судя по роскошным нарядам здешней публики, «Розовый Тысяченог» был сейчас самым модным заведением в Ехо. У нас так нередко случается: в скромный трактир по какому-то недоразумению попадает один из негласных законодателей столичной моды и внезапно влюбляется в тамошнюю кухню, обстановку, прелестную хозяйку или вид из окна. И начинает навещать туда ежедневно. За ним тут же устремляются друзья-приятели, подражатели и просто досужие любители красивой жизни. И исправно ужинают там каждый вечер, пока не прослышат, что супруга Старшего Королевского Дегустатора вчера пила камру с каким-то необычным печеньем в безымянной пекарне за Собачьим Мостом. Ну и тогда, конечно, спешно меняют локацию, оставив беднягу трактирщика, мысленно уже вписавшего свое имя в официальный перечень богатейших людей Соединенного Королевства, гадать, что он сделал не так.

Но пока «Розовый Тысяченог» явно переживал период расцвета.

Хочется, конечно, похвастаться своими дедуктивными способностями и сказать, будто сэра Кофу я опознал по обилию расставленных на его столе блюд. Но нет, увы. Во-первых, еды на всех столах было несколько больше, чем требует здравый смысл, а во-вторых, Кофу, как бы он не изменял внешность, я всегда узнаю просто так, без дополнительных наблюдений и выводов. Такой уж у меня чудесный дар – его узнавать. В принципе вполне бесполезный, Кофа от меня и так не особо прячется. Но таланты не выбирают.

И даже сейчас, увидев за дальним столом крупного пожилого господина, благодушно попыхивающего трубкой, я уверенно направился к нему. Хотя чтобы сэр Кофа Йох, сидя в общественном месте, выглядел как самый настоящий сэр Кофа Йох – это дело совершенно неслыханное. Интересно, что у него стряслось?

– ...Выглядишь как беглый каторжник, – сказал Кофа; впрочем, скорее одобрительно.

– А вы – как Тайный Сыщик, уполномоченный меня арестовать, – ответил я, усаживаясь напротив.

– Смешно, – согласился Кофа. – Ты не поверишь, но я сижу здесь в таком виде по настоятельной просьбе хозяина. Он встревожен внезапной популярностью своего трактира и хочет наглядно продемонстрировать публике, что у него приличное заведение. Вон даже Тайный Сыск в моем лице время от времени заглядывает. Чтобы хулиганы из числа золотой молодежи трижды подумали прежде, чем сюда приходить.

– Ого. И вы вот так запросто пошли ему навстречу?

– Ты знаешь мою позицию по этому вопросу: лишний бесплатный обед никогда не повредит, – пожал плечами Кофа. – А молодым хулиганам в «Розовом Тысяченоге» и правда не место. Хороший недорогой трактир с умеренно экзотической кухней, единственный в своем роде. Жалко будет, если тут начнут массово изрыгать огонь и превращать кувшины в жаб, как во всех остальных модных забегах. Это помешает настоящим гурманам вдумчиво оценивать визуальные и вкусовые особенности поданных блюд.

– А мне нравится, когда в трактирах внезапно начинают твориться всякие нелепости, – признался я.

– Потому что ты сам молодой хулиган. Думаешь, я не знаю, кто научил стулья в «Свете Саллари» петь похабные песни, да так, что я потом полночи не мог заставить их заткнуться?

– Девчонки очень просили, – сказал я. – Хотели устроить сюрприз всем остальным. Но, кстати, с чего это вдруг похабные? Обычные застольные песни туланских моряков, Нумминовых их детям перед завтраком поет для поднятия настроения и аппетита.

– Вот именно, – подтвердил Кофа. И так выразительно на меня посмотрел, словно наш Нумминорих был общепризнанным мастером площадной брани, а его дом – рассадником всех мыслимых пороков. И немислимы заодно.

Воцарившаяся пауза была нарушена появлением трактирщика, тощего жилистого старика в кожаном сарафане до пят. Голову его венчало грандиозное фортификационное сооружение, являвшееся то ли традиционной прической куанкулехских рыбаков, то ли самым последним отчаянным криком столичной моды, поди разбери. Старец нес здоровенное блюдо, в центре которого возлежало невиданное чудовище с длинными витыми рогами, выпученными глазами, клешнями, щупальцами, крыльями, плавниками и другими частями тела, избыточными и неприятными.

Пока я мысленно молил всех известных мне вымышленных высших существ, включая Арварохского Мертвого Бога, чтобы эту несказанную красоту пронесли мимо, блюдо оказалось на столе прямо передо мной, а трактирщик деликатно удалился, оставив нас с чудовищем наслаждаться обществом друг друга.

– Это что вообще такое? – спросил я Кофу, который с нескрываемым удовольствием ждал развития событий.

– Твоя еда, мальчик, – ответствовал тот. – Неужели ты никогда прежде не слышал о замечательной куанкулехской традиции оформления парадных блюд?

– Оформления?

– Дырку над тобой в небе, сэр Макс! Ты правда поверил, что оно настоящее?

Я присмотрелся к чудовищу повнимательней. И только теперь понял, что кошмарная химера являет собой нечто вроде авангардной скульптуры, изготовленной из съедобных компонентов. Впечатлившие меня витые рога, к примеру, оказались хрустящими хлебцами, а выпученные глазницы – кусками какого-то экзотического овоща с каплями темного соуса на месте зрачков. Из чего были изготовлены клешни и щупальца, я, признаться, так и не понял. Но принципиального значения это уже не имело. На самом деле я не так уж привередлив. Только некоторых особо хтонических монстров живьем не ем.

– Мать их в жены урагану! Вот ведь вдохновенные художники, – с облегчением выдохнул я.

– Знал, что ты оценишь, – усмехнулся Кофа. Что в переводе на честный человеческий язык должно было означать: «Заранее предвкушал, как тебя перекосит».

Впрочем, полк голодных людоедов, населяющих мое внутреннее пространство, был так глубоко благодарен Кофе за заблаговременно сделанный заказ, что предпочел проигнорировать его отчетливо издевательскую ухмылку. И набросился на монстра. И одолел добрую половину его прежде, чем я нашел в себе силы оторваться от еды и сказать:

– Мне нужно кое-что с вами обсудить.

– Не сомневаюсь, – кивнул Кофа. – Давно успел заметить, что бескорыстия в тебе куда меньше, чем кажется. Но учти, я тоже понятия не имею, куда умотал Джуффин. Он не любитель давать объяснения своим поступкам. Только и сказал, что вернется самое позднее через три дня.

– Нет, я не о нем.

– Хорошо. Тогда у тебя есть шансы извлечь из нашей встречи какую-то пользу.

– Пользу я в любом случае уже извлек, – сказал я, – выразительно постучав вилкой по блюду, на котором покоились останки недоеденного монстра. – Кто, кроме вас, мог бы свести меня с этим удивительным существом? Ничего более угрожающего я в жизни не уничтожал. Разве что недоброй памяти Угурбадо, но его я все-таки не ел. А значит, не считается. Или считается? Можно ли считать полноценно уничтоженным несъеденного врага, как думаете?

– Ты именно это намеревался со мной обсудить? – невозмутимо поинтересовался Кофа.

– Не совсем, – признался я. – Вы помните ребят из Клуба Дубовых Листьев? Которые...

– Разумеется я их помню, – нетерпеливо перебил меня он. – С памятью у меня, хвала Магистрам, все в порядке.

– И наверняка вы знаете, где они все теперь. И чем занимаются. Да?

– Не так уж много, – пожал плечами Кофа. – А зачем они тебе понадобились? Что-то произошло?

Он выглядел удивленным. Оно и понятно: обычно сэр Кофа Йох узнает все новости первым. И заранее может предсказать, о ком его станут расспрашивать пару часов спустя.

С другой стороны, мог бы уже привыкнуть, что я все делаю невовремя и некстати. Это, можно сказать, моя основная специализация – постоянно сбивать с толку нормальных людей. Ненормальных, впрочем, тоже. Всем достается.

– Да вроде пока ничего, – ответил я. – Просто случайно встретился на улице с Айсой. То есть с леди Шиморой Тек. И мне стало интересно...

– Не хочешь посвящать меня в это дело, так прямо и скажи, – холодно сказал Кофа. – Сам знаешь, я не слишком обидчив. А вот хитрить со мной – пустая трата времени.

– Но я не...

– Сэр Макс, ты все-таки учитывай, что я знаком с тобой не первый год. И успел немного изучить твои привычки. Когда тебе вдруг становится интересно, как живет кто-нибудь из твоих знакомых, ты просто тащишь жертву в ближайший трактир, где можно спокойно поболтать за кружкой камры. Собственно, правильно делаешь, когда речь идет о малозначительных подробностях частной жизни, нет ничего лучше информации, полученной из первых рук. А если вместо этого ты обратился за сведениями ко мне, значит...

– В данном случае только и значит, что леди не желает идти со мной в трактир. И вообще куда бы то ни было. Говорит, раньше надо было спрашивать, как дела, а теперь поздно. Ее в общем можно понять. Но все равно странно...

– Что именно?

– Да сам не знаю, – признался я. – Не могу пока сформулировать. Скорее всего, я просто придираюсь, поскольку испытывать подозрения гораздо приятней, чем угрызения совести за то, что я столько лет о ней не вспоминал.

– Да уж пожалуй, – усмехнулся Кофа. – На самом деле нет ничего странного в том, что леди Шимора не захотела с тобой болтать. Я бы на ее месте тоже не слишком обрадовался встрече со следователем, который когда-то меня допрашивал, а потом самолично провожал в изгнание.

– Тем не менее, тогда мы с ребятами отлично ладили.

– Охотно верю. С твоей репутацией, чтобы понравиться арестованным, достаточно просто не испепелить их на месте. Самое суровое сердце тут же немедленно исполнится благодарной любви. А все-таки, мой тебе совет: не забывай делить свое обаяние на некоторые неизбежные издержки нашей профессии. Реже придется разочароваться.

Он, конечно, был абсолютно прав. Но вот так сразу соглашаться все равно не хотелось. Я вообще не люблю, когда мне напоминают, что реальность не совсем такова, как я ее себе представляю. Для меня это звучит, как напоминание о необходимости ее изменить. Я – деятельный идеалист. Но настолько ленивый, что изо всех сил стараюсь не замечать, сколь велик потенциальный фронт моих работ.

– Ладно, – вздохнул Кофа, который вряд ли с детства мечтал угрожать однажды прекрасный вечер на вполне бессмысленный спор. – Ты хотел расспросить меня о леди Шиморе Тек?

– И обо всех остальных за компанию, если уж вспомнились. Их вроде восемь было?

– Совершенно верно. Было восемь, осталось пятеро. Ну что ты так трагически на меня уставился? Я имею в виду, здесь, в Echo, сейчас пятеро. Трое в отъезде. Менке Айро, по моим сведениям, не воспользовался возможностью досрочно вернуться из изгнания и остался в Уандуке, Хисса Лани вскоре после освобождения из Холоми уехала в Гажин и поступила в тамош-

нюю Высокую Корабельную Школу, а Тиба Йорди-Кун унаследовал дедовскую ферму, если не ошибаюсь, неподалеку от Квехо и отправился туда. Об этих троих я больше ничего не знаю – кроме того, что никаких проблем с законодательством Соединенного Королевства у них с тех пор не было. Как, впрочем, и у всех остальных. Аватта Лорумай еще находясь в заключении в Холоми, выиграл ежегодную Королевскую стипендию для особо одаренных абитуриентов и теперь учится в Королевской Высокой Школе. Блестящий студент, из тех, чьими достижениями похваляются друг перед другом подвыпившие профессора в «Крашеной репе»...

– Аватта – это мальчик, который говорил, что библиотека Холоми – его единственный шанс получить хорошее образование, – вспомнил я. – Здорово, что у него все получилось.

– Да, – кивнул Кофа. – И у него, и у Хиссы Лани, чье достижение кажется мне даже более примечательным. Гажинская Высокая Корабельная Школа, безусловно, лучшая в Соединенном Королевстве. Единственная, где готовят будущих помощников капитанов Невидимой Флотилии и бойцов Королевской Морской Охраны. И старинные приемы крэйской боевой магии в таком объеме преподают только там. Подготовиться к поступлению в Гажинскую Корабельную потрудней, чем выиграть столичную Королевскую стипендию – хотя бы потому, что предварительный отбор абитуриентов, которых допустят к экзаменам, представляет собой грандиозную общую драку с участием профессуры и наиболее успевающих старшекурсников. Пострадавших потом лечат за счет городской казны и отправляют по домам, а самые свирепые драчуны сразу, без бальзамов и перевязок идут решать вступительные задачки по математике или что там они нынче сдают, потому что голова настоящего моряка должна соображать даже будучи отрубленной – такой у них девиз.

– Ничего себе! – изумился я. – И маленькая леди Хисса туда поступила? Тоже подготовилась, пока сидела в тюрьме? Но как?! Математика еще ладно бы, книжки есть – ума не надо, но драться-то она где научилась? В Холоми есть специальные курсы?

– Курсы, не курсы, но совершенно не удивлюсь, если стражники вошли в ее положение и согласились дать несколько уроков рукопашной борьбы. В Холоми принято идти навстречу тем пожеланиям узников, которые не противоречат правилам их содержания. А прямого запрета на физические упражнения в свободное от сна, еды и прогулок время в тюремном уставе, насколько я помню, нет.

– А такая была с виду хрупкая барышня, – вздохнул я. – Я, помню, еще удивлялся, как она вообще затесалась в эту развеселую компанию.

– Хрупкие барышни – опасный народ, – подмигнул мне Кофа. – Удивительно, что ты до сих пор этого не понял. Самой хрупкой барышней в истории Соединенного Королевства была Ее Величество Санхти Айигокхи, старшая дочь основателя Хоттийской династии – маленькая, тощая до прозрачности, с трогательными кудряшками и детскими глазищами на пол-лица. И голос у Королевы Санхти, если верить историческим хроникам, был такой тихий, что ей приходилось всюду водить за собой служанку, обученную громко повторять слова госпожи, в точности воспроизводя присущие той интонации. Так вот, эта хрупкая барышня в течение двухсот с лишним лет держала в состоянии почтительного трепета не только надменную угуландскую знать, но и мятежных колдунов, которых в наших краях, сам понимаешь, в любую эпоху было полно. А все почему – еще в детстве попросила отца найти ей хорошего преподавателя магии, который научит, во-первых, мгновенно испепелять взглядом, а во-вторых, никого никогда не жалеть. Что действительно умеют хрупкие барышни, так это правильно расставить приоритеты.

– Да уж, – растерянно согласился я. – Куда нашему брату.

– Тилла Бони тоже извлекла пользу из пребывания в Королевской тюрьме, – продолжил Кофа. – Хотя и несколько иного рода. Чуть ли не на следующий день после освобождения она вышла замуж за сэра Атибу Гурогая, Старшего Зимнего помощника коменданта Холоми. Ее супругу, конечно, пришлось подать в отставку по причине грубого нарушения должностной инструкции, предписывающей не устанавливать личных отношений с заключенными. И

семейство Гурогаев не особо обрадовалось такому союзу. Осужденных за колдовство среди их предков и без леди Тиллы предостаточно, а вот на бывших служанках Гурогаи до сих пор не женились. Однако сэр Атиба проявил твердость, и в конце концов все как-то утряслось. Супруги живут в одном из фамильных особняков на Левобережье, сэр Атиба не стал забирать свою долю из семейного бизнеса, леди Тилла иногда появляется на светских приемах, где постепенно зарабатывает репутацию милой и необременительной собеседницы. Судя по тому, что я давно ничего интересного об этой паре не слышал, они, как минимум, не дают повода для сплетен. А значит, скорее всего, счастливы.

– Какое все-таки замечательное место наша Королевская тюрьма, – заметил я. – Похоже, нет ничего лучше для подростка из бедной семьи, чем вовремя загреметь в Холоми. Или в университет какой-нибудь поступишь, или, на худой конец, замуж удачно выскочишь. Так или иначе, а жизнь будет устроена.

– Ну, кстати, примерно так и есть, – неожиданно согласился Кофа. – На моей памяти с заключения в Холоми началось великое множество блестящих карьер. Однако воспользоваться этим рецептом непросто. В Холоми попадают только за серьезные магические преступления, а такое еще поди соверши. Да и то велика вероятность, что просто отправят в ссылку, если ты не конченный рецидивист. Ребятам крупно повезло с приговором. Это же тебе надо сказать спасибо, верно?

– А мне-то за что? – опешил я.

– Насколько я помню, Джуффин собирался отправить всю компанию в изгнание. А ты убедил его дать им выбор – изгнание или Холоми. Так было дело?

– Точно, – вспомнил я. – Мне тогда казалось, что прекрасную неизвестность и все, что к ней прилагается, надо заслужить, сделав сознательный выбор. Такой уж я был романтический дурак. Может и до сих пор им остался, не знаю. Давно не было повода проверить.

– Ничего, – утешил меня Кофа. – В твоем возрасте это нормально. Какой спрос с человека, которому еще и сотни лет не исполнилось. Ложку мимо рта не пронесишь – уже молодец.

– Да, в этой области я достиг невиданного мастерства. Есть чем гордиться. Ладно. Получается, у ребят, выбравших заключение в Холоми, все сложилось как нельзя лучше. Ну и хвала Магистрам. Я-то думал: вот дураки, упустили прекрасный шанс. А что с теми, кто был в изгнании? Один, вы говорите, остался в Уандуке, но остальные-то вернулись? И как они сейчас? Чем занимаются?

– Да кто чем. Твоя подружка леди Шимора Тек по протекции матери устроилась на довольно перспективную должность в Канцелярии Забот о Делах Мира. Танита Ашури внезапно занялась организацией музыкальных концертов; одно время в «Суете Ехо» регулярно появлялись ее объявления о наборе исполнителей в какой-то новый оркестр. Чем дело кончилось, не знаю, не вникал. А Карвена Йолли ты вполне мог встретить в Доме у Моста, если бы проводил там хоть немного больше времени. И ходил бы как нормальный человек, по коридорам, вместо того чтобы скакать туда-сюда, то Темным Путем, то в окно...

– Что?! – подскочил я. – Как это – в Доме у Моста? И я до сих пор не знаю? А почему мне никто не сказал?

На этом месте сэр Кофа, разумеется, принялся набивать трубку. Молча, сосредоточенно и очень неторопливо. Его можно понять. Когда еще представится возможность быстро и без усилий довести меня до цугундера. Колдуны старой школы таких шансов не упускают.

Наконец он снизошел до объяснений:

– Ну а чему ты так удивляешься? Управление Полного Порядка – это же не только Тайный Сыск. Кроме нас есть еще Городская Полиция, казначейство, специальные представительства Королевского Двора и Канцелярии Скорой Расправы, отдел Малой Явной Помощи, который занимается организацией работы уборщиков, возниц и другого технического персонала. И, наконец, штатные знахари Управления, включая Мастера Сопровождающего Мертвых.

Кофа снова умолк и принялся раскуривать свою грешную трубку.

– И что? – нетерпеливо спросил я.

– А то, что у сэра Скалдуара Ван Дуфунбуха есть ассистенты, численность и состав которых постоянно меняется, поскольку работа, сам понимаешь, довольно специфическая, а платят за нее немного. Около двух лет назад сэр Скалдуар принял на службу Карвена Йолли, в прошлом осужденного изгнанника, недоучившегося студента-гуманитария – просто от безвыходности, от него тогда как раз все помощники в очередной раз разбежались. Брал его временно, чтобы хоть кто-то был под рукой, пока найдутся более подходящие кандидаты. Тем не менее, Карвен Йолли до сих пор работает, и старик настолько им доволен, что недавно самолично ходил в казначейство Управления хлопотать об увеличении его жалования.

– Надо же какое интересное занятие он себе нашел, – удивился я. – Ладно, лишь бы самому нравилось. А кстати, жалование-то ему в итоге увеличили?

– Представь себе, да. По-моему, просто от растерянности. Донди Мелихаис говорит, на его памяти такое случилось впервые. Прежде сэр Скалдуар не интересовался жалованием своих помощников. Он и за собственным приходом вечно забывает. Ван Дуфунбухи слишком богаты, чтобы всерьез интересоваться такими пустяками, как оплата вдохновенного труда.

Я невольно улыбнулся. Все-таки когда речь идет о патологоанатоме, словосочетание «вдохновенный труд» приобретает совершенно особый смысл.

– Таким образом, подробные сведения о Карвене Йолли ты, если захочешь, можешь получить в нашем Большом Архиве, где хранится информация обо всех штатных сотрудниках Управления Полного Порядка, – заключил Кофа. – Я же знаю только, что он снимает квартиру на улице Синих Часов, живет там один, ночует нерегулярно, как минимум несколько раз в год посещает Квартал Свиданий, не поддерживает отношений с родственниками, зато довольно часто видится со своими бывшими товарищами по «Клубу Дубовых Листьев». И состоит в постоянной переписке с троими отсутствующими. Похоже, он – единственный, кто старается сохранить былую дружбу. Все остальные встречаются и переписываются с ним, но не друг с другом. Разве что делают это тайно, не попадаясь на глаза моим осведомителям. Или просто довольствуются Безмолвной речью? Вполне возможно. Специально я, как уже говорил, ни за кем из них не слежу.

– И за Айсой тоже? В смысле за леди Шиморой. Все-таки она верховодила этой компанией. И вся ответственность за их художества, по большому счету, на ней. А остальные «новые великие магистры» просто случайно подвернулись под руку – Айсе и своей судьбе. Теоретически на их месте мог оказаться кто угодно.

– Да, я тоже так думаю. И поначалу действительно следил за леди Шиморой Тек. Мне тогда очень не понравилось, что Джуффин распорядился выдать ей лицензию на использование магии без ограничений. Всем остальным – еще куда ни шло. Но шустрой девице, на чьей совести кража чужой силы и какая-никакая, а все-таки попытка создания нового магического Ордена – это ни в какие ворота. Как по мне, лучше уж между каторжанами в Нунде воз рога-ток Бабум в лотерею разыграть. По крайней мере, последствия гораздо более предсказуемы, и подготовиться к ним можно заранее.

– Я вообще против ограничений, – мрачно сказал я. – Любых! Но только теоретически. И боюсь, в этом споре был бы на вашей стороне.

– Спасибо, сэр Макс. Всегда подозревал, что здравого смысла в тебе много больше, чем кажется. Однако в те дни тебя здесь не было, а Джуффин уперся и слушать ничего не желал: «талантливым детям следует давать шанс», «мне интересно, что из этого выйдет», «да ничего она нам не устроит, хотите, поспорим на сотню корон». Ну, ты его знаешь.

– И как, вы сделали ставку? – оживился я.

– Ну уж нет! – ухмыльнулся Кофа. – Здравый смысл здравым смыслом, а с Кеттарийцем пари заключать нет дураков.

– Вы рассказывали, шеф Айсу даже на работу хотел взять, – вспомнил я. – Чем это закончилось?

– Как видишь, ничем. Подозреваю, ничего такого он на самом деле не планировал, а просто меня дразнил. С другой стороны, чем только Темные Магистры не шутят, может он ее и звал? Я не спрашивал – от греха подальше, чтобы не напоминать. Но, по идее, Джуффин вполне мог сделать ей предложение и получить отказ.

– Да ну!

– Вероятно тебе будет непросто в это поверить, однако далеко не для всякой юной леди из хорошей семьи служба в Тайном сыске – предел мечтаний. И, в частности, не для леди Шиморы. Похоже, у нее сейчас совсем другие интересы. После возвращения из ссылки девочка поступила на службу в Канцелярию Забот о Делах Мира, к матери под крылышко. Леди Агорра Тек – Старшая Советница, очень важная персона. Без ее официального одобрения ни один из коллег лишний раз чихнуть не отважится. И уж что-что, а теплое посольское кресло она своей дочке обеспечить способна. Я перестал пристально следить за леди Шиморой, когда выяснил, что ее мать предпринимает шаги, которые еще до конца года неизбежно приведут к отставке нашего постоянного посланника в Суммони. Ясно, зачем ей это понадобилось.

– Постоянного посланника в Суммони? – растерянно переспросил я. – Но зачем ей?..

– Ну как – зачем, – пожал плечами Кофа. – Да хотя бы просто насладиться реваншем. Приятно вернуться в блеске и славе туда, где еще недавно влачил унылое существование изгнанника.

– Думаете, Айса настолько проста?

– На самом деле это всего лишь одна из версий. Но, как по мне, довольно правдоподобная. А я, сам знаешь, неплохо разбираюсь в людях.

– «Неплохо» – это слабо сказано, – невольно улыбнулся я. – Но все-таки...

– Что?

– Все-таки у Айсы настоящее призвание к магии, это даже мне очевидно. И вкус подлинной силы она уже успела ощутить. И эти первые неожиданно легкие победы, от которых голова кругом: получается! Я все могу! Ух что сейчас будет! Думаете, от этого можно отказаться?

– Да запросто. Многие отказываются – из страха, или в надежде на заманчивую карьеру, или повинуясь требованиям семьи. Или просто от растерянности, потому что учителя вовремя не нашлось. Принято считать, будто подлинное призвание нельзя игнорировать, а на самом деле, еще как можно! Просто не всю жизнь. Рано или поздно наступает момент, когда призвание снова напоминает о себе, но уже не как обещание, а как невосполнимая утрата. И это, конечно, становится настоящей трагедией. Я встречал людей, которым удавалось после долгого перерыва вернуться к магии и начать все заново, практически с нуля, но таких, положив руку на сердце, немного. А вот обезумевшим, наложившим на себя руки или просто пустившимся во все тяжкие, чтобы заглушить боль на месте отсеченной судьбы, нет числа.

– Какой ужас.

– Да не то чтобы именно ужас, – флегматично возразил Кофа. – Вполне обычный путь талантливого мага, которому не удалось вовремя встретить хорошего наставника или хотя бы правильно расставить приоритеты. Я и сам вполне мог так влипнуть, поскольку на толковых учителей мне в юности совсем не везло. Зато мне очень повезло с отцом: он так настойчиво запрещал мне заниматься магией, что пришлось посвятить ей себя целиком. Сперва из чувства противоречия, а потом как-то незаметно оказалось, что назад дороги уже нет. И это, надо сказать, большая удача.

– Вот это я очень хорошо понимаю, – невольно улыбнулся я.

– Не сомневаюсь, сэр Макс. Если бы я думал иначе, не стал бы ничего рассказывать. Нет занятия глупее, чем говорить о себе с собеседником, не способным понять, о чем речь.

«Спасибо за доверие», – подумал я. Но вслух не произнес ни звука. Задумчивый пафос следует строго дозировать, если хочешь и дальше получать приглашения на обед.

– Не знаю, насколько я оказался тебе полезен, – сказал сэр Кофа, бережно укладывая в чехол давно погасшую трубку. – Но больше ничего интересного о наших юных правонарушителях я в любом случае не знаю. Впрочем, это можно достаточно быстро исправить, если у тебя есть веский повод считать, что нам следует обратить на них пристальное внимание.

– Веского точно нет, – ответил я. – Строго говоря, вообще никакого повода хоть в чем-нибудь их подозревать. Просто я напрочь забыл о существовании этих начинающих мятежных магистров, а сегодня встретил Айсу и внезапно выяснил, что ребята ждали от меня заинтересованного участия в их жизни. Ну вот, заинтересовался – задним числом. Им от этого уже ни холодно, ни жарко, но хоть какое-то подобие гармонии достигнуто. И то хлеб.

Кофа насмешливо покачал головой – дескать, мне бы твои проблемы. И, уже поднимаясь, спросил:

– Это все, что ты хотел со мной обсудить?

– Да, – кивнул я. – На самом деле вы здорово мне помогли. Я рад, что у ребят все неплохо складывается, хоть и...

– Ну и отлично, – не дослушав, кивнул Кофа. – Потому что идти мне было пора еще четверть часа назад. А теперь уже – только бежать.

И исчез. Ему для этого ни Темным Путем ходить не надо, ни облаком в окно вылетать. Сделал шаг в сторону и как-то сразу пропал из виду, только возле выхода мелькнуло его светло-коричневое лоохи, да и то не факт, мне вполне могло показаться.

Что тут скажешь, высокий класс.

А я остался ждать неминуемой расплаты за содеянное. В смысле, за уничтоженное чудовище.

Расплата не заставила себя ждать; впрочем, она оказалась вовсе не так сурова, как можно было предположить, глядя на роскошные наряды здешней публики. Хозяин «Розового ТысячENOга» не воспользовался внезапной популярностью своей забегаловки, чтобы взвинтить цены. Если бы мне поручили составить список кандидатов на прижизненное место в раю, начал бы с таких лопухов как он.

Уже на улице я вспомнил, что так и не обсудил с Кофой просьбу Кекки. А ведь собирался. Любопытно было бы послушать, что он на это скажет. И посмотреть на выражение его лица – даст он себе труд изображать удивление или решит, что сойдет и так? Я, конечно, никудышный психолог, а Кофа, напротив, лучший из лучших. Но я все равно надеялся, что пойму, если он в курсе этой интриги.

И даже не то чтобы совсем уж безосновательно.

Еще недавно для меня было загадкой, как старшие коллеги ловят других на вранье? Все время мысли читают – так, что ли? Это, пожалуй, и чокнуться недолго. Но оказалось, дотошно копаться в чужих головах совершенно не обязательно. Просто чем глубже увязаешь в магии, тем стремительней истончаются границы между тобой и всем остальным миром. И постепенно начинаешь чувствовать не только чужую боль, но и другие, куда более интересные вещи. Например, ложь иногда – в последнее время все чаще и чаще – ощущается, как тяжесть где-то во лбу. Или даже впереди, в полуметре от лба, как будто воздух, окружающий тело, теперь тоже оно. Распознать это ощущение легко, зато описать практически невозможно – вечно так.

Вот, собственно, почему меня насторожил разговор с Кекки. А вовсе не потому, что я склонен во всем сомневаться и никому не доверять.

Ладно, – сказал я себе, – забыл и забыл. Значит будет еще один повод напроситься на совместный обед. А пока и так найдется о чем подумать.

Например о подозрительном – вот хоть убей, а все-таки очень подозрительном! – поведении Айсы, то ли лечившей сновидца в пижаме, то ли... Да леший знает, что еще она могла с ним делать. Как показывает мой опыт, все что угодно – из каких-то неведомых практических соображений, или просто так, от избытка усердия и энтузиазма. На моей памяти уже было несколько неприятных инцидентов с начинающими чародеями, которые пытались воздействовать на сновидцев разнообразными заклинаниями, как я понимаю, просто из любопытства – подействует или нет? И искренне удивлялись, когда я ловил их на горячем: как это нельзя? Почему? Для них же это все равно не по-настоящему. Какая разница, что приснится, вот я, например, тоже несколько раз видел кошмары, и ничего страшного не случилось. Подумаешь – какой-то там плохой сон.

Айсе, насколько я успел ее изучить, такая позиция должна быть очень близка. Она и с бодрствующими людьми на моей памяти не особо церемонилась. Следовательно, проделывать со спящим могла все что угодно. Но поди выясни правду теперь, когда бедняга давным-давно проснулся в собственной постели, на каком бы краю Вселенной она ни была.

И Абилат никогда не слышал, что суммонийские знахари умеют лечить во сне, – вспомнил я, свернув в первый попавшийся переулок. – Совершенно не удивлюсь, если это их достижение было сочинено на ходу. Ну а что, отличный беспроектный метод: не хочешь говорить правду, сразу ссылайся на культурные особенности какой-нибудь малоизученной далекой страны. Сколько раз я сам объявлял добытые из Щели между Мирами сигары подарками друга из Шиншийского Халифата; впрочем, Джуффин пошел еще дальше, когда выдал меня за случайно попавшего в столицу Соединенного Королевства варвара из Пустых Земель, раз и навсегда закрыв любые вопросы по поводу всех моих странностей.

Все-таки Кофа был совершенно прав, когда установил слежку за Айсой. И скорее всего, напрасно ее отменил. Леди, которая когда-то начала занятия магией с похищения чужой силы, несомненно, большая молодец, настоящая угуландская ведьма, неукротимая охотница за могуществом, невозможно не уважать ее целеустремленность. Но доверять?! Как минимум глупо. Я бы – и то не стал.

С другой стороны, мало ли, что было раньше, до изгнания. Несколько трудных лет вдали от Сердца Мира могли сильно изменить Айсу и всех остальных. А чередой неудач – и вовсе сломать. Человек – не самая прочная конструкция. И не всем везет выяснить это на чужом примере. Иногда приходится на своем.

Ставить вопрос таким образом мне совсем не хотелось. Так сильно не хотелось, что я и не ставил – целых полдня. Что и говорить, достойный результат.

Хороший однако совет я дал неразумным детям: вперед, за приключениями, не вздумайте упустить шанс! Вас ждет удивительный Мир, полный чудес и тайн. Так вошел в роль доброго дядюшки, что даже денег на дорогу им отсыпал – ровно столько, чтобы умилиться собственной щедростью. А потом высадил их в какой-то глуши, пожелал удачи и тут же выкинул из головы. Такой молодец.

Неудивительно, что теперь я готов подозревать Айсу в каких-то невообразимых злодеяниях. Это гораздо приятней, чем допустить, что ей уже давно плевать на магию. А значит, и на подлинную себя.

С моей легкой руки.

* * *

Некоторое время спустя я вынырнул из внутреннего зала суда, где к этому времени стало так невыносимо тошно, что лучше бы сразу расстреляли, и огляделся по сторонам.

Об улице, на которой я оказался, можно было с уверенностью сказать, что она довольно слабо освещена, вымощена мелкими речными камнями и застроена невысокими, в основном, двухэтажными зданиями с островерхими крышами, стоявшими вплотную, стена к стене. На одной из стен висела потрепанная временем табличка: «Улица Невысказанных Слов».

Обработав полученную визуальную информацию, мой смятенный ум бодро сообщил, что даже для очень приблизительного определения нашего с ним местоположения ее недостаточно.

Иными словами, хрен знает, куда это я сдуру забрел.

Такого со мной давно не случалось. То есть заблудиться-то я всегда готов, даже в нескольких шагах от собственного дома. Но обычно вполне ясно представляю, в какой части города нахожусь и в каком направлении следует идти, чтобы добраться до более-менее знакомых кварталов. А тут – вообще никаких идей. Своего рода достижение. Верный признак того, что дела мои совсем ни к черту, и это надо немедленно прекращать.

Число известных мне способов быстро и качественно обрести хоть какое-то подобие мира с собой, мягко говоря, невелико. Как по мне, оно и неплохо – не приходится мучительно выбирать наиболее эффективный. А вот способам не позавидуешь: очень уж часто я к ним прибегаю. Потому что мир с собой для меня практически недостижим и одновременно необходим как воздух. Долго без него я не протяну.

Немного поколебавшись, я послал зов сэру Шурфу, хоть и дал себе честное слово не дергать его как минимум до завтра. Ну, то есть пока он расхлебывает ужасные последствия экстренного чаепития на моей крыше. Умение не подворачиваться под горячую руку дорогого стоит. Надо его время от времени тренировать.

Но ладно, натренирую как-нибудь потом.

«Чего ты хочешь?» – сразу спросил Шурф. Его Безмолвная речь звучала так торопливо, словно он говорил на бегу.

«Твоей смерти», – покаянно сообщил я.

«Правда? – удивился он. – Какая удивительная перемена. Еще совсем недавно эта идея не вызывала у тебя энтузиазма».

«...а также воцарения хаоса в Соединенном Королевстве и развала Ордена Семилистника. Это была просто цитата. И одновременно отчаянный вопль моей совести, которая внезапно проснулась и теперь голосит, что рано или поздно я тебя угроблю – вот этими своими регулярными визитами на пару минут, которые как-то незаметно растягиваются чуть ли не пол-дня. Потом я ухожу страшно довольный, а ты остаешься наедине с отложенными из-за меня делами. И разгребаешь их ночь напролет вместо того, чтобы спать. Чем не покушение на твою жизнь?»

«В таком случае, тебе удалось изобрести самое затяжное покушение на убийство за всю историю криминалистики, – заметил мой друг. – Вряд ли оно когда-либо увенчается успехом, но сама по себе попытка заслуживает уважения».

«Думаешь, не увенчается? – обрадовался я. – Отлично! Твои шансы избежать моего очередного появления и так были невелики, а теперь их практически не осталось».

«Что стряслось на этот раз? Ты вызубрил название еще одного растения?»

«Извини, но нет. Я знаю, как ты любишь ботанику, но ничего не поделаешь, придется потерпеть. Я полдня мучился подозрениями и чувством вины, поэтому не успел выучить ничего нового».

«Чем-чем ты мучился?» – переспросил сэр Шурф. Явно ушам своим не поверил. Вернее, тому участку головы, который отвечает за восприятие Безмолвной Речи.

«Подозрениями и чувством вины, – гордо повторил я. – Сам понимаю, отличный набор. День был прожит не зря. Настолько не зря, что если у тебя не найдется нескольких минут, чтобы обсудить со мной достижения моей высшей нервной деятельности, тогда я...»

Я умолк, не зная, чем бы таким ужасным ему пригрозить.

«Тогда ты – что?» – хладнокровно поинтересовался мой друг.

«Да ничего особенного, – честно сказал я. – Просто буду мучиться дальше. А через полчаса снова пришло тебе зов. И еще через полчаса. И еще, и еще. Ты знаешь, я довольно настойчивый».

«Ладно, – неожиданно решил он. – Неизбежное лучше не откладывать. Приходи прямо сейчас».

Вопреки ожиданиям, сэр Шурф вовсе не выглядел человеком, испытывающим непереносимые страдания от моего визита. Более того, занятым по горло он тоже не выглядел. И кувшин камры на его столе вряд ли успел появиться именно за ту долю секунды, которая ушла у меня на дорогу. И выражение лица у него было какое-то странное, я даже не сразу понял, что оно означает. Подозрительно похоже на приветливую улыбку. Возможно, это и была приветливая улыбка, каких только чудес не случается.

– У тебя парадоксальное чувство времени, – сказал мой друг, протягивая мне кружку. – Никак не могу понять, есть оно у тебя или нет. Нынче утром ты ухитрился оторвать меня от дел в самый неподходящий момент, хуже просто не придумаешь. Зато сейчас сделал все идеально. Объявился буквально секунду спустя после того, как я заперся в кабинете с этим кувшином и твердым намерением на четверть часа забыть о делах.

– Это не чувство времени, а просто чувство камры, – сказал я, принимая из его рук кружку. – Терпеть не могу, когда ее пьют без меня. И стараюсь по мере сил препятствовать столь безответственному разбазариванию хорошего продукта... Прости, я правда не хотел лишний раз тебя беспокоить. Честно терпел сколько мог. Но мою голову надо срочно привести в порядок, а мастеров – раз-два и обчелся. Ну ладно, раз-два-три. При этом к леди Сотофе соваться совершенно бессмысленно: она скажет, что я большой молодец, сочинил себе много интересных и совершенно безобидных проблем, даст пирожок и велит выметаться. А Джуффин предусмотрительно сбежал куда-то за пределы человеческого понимания. Ты, кстати, в курсе?

– Естественно, – флегматично кивнул сэр Шурф. – В настоящее время он обязан официально уведомлять меня обо всех своих отлучках; кажется, именно в таких случаях полагается добавлять: «и это довольно забавно». Тебя беспокоит его уход?

– Будешь смеяться, но не особенно.

– Уже неплохо.

– Еще как плохо! – возразил я. – На этот счет ты бы меня довольно быстро утешил. А так – слушай, ты даже не представляешь, какой ужас тебе предстоит!

И с непередаваемым облегчением дорвавшегося до исповеди грешника вывалил на него историю случайной встречи с Айсой, щедро приправленную почти беспочвенными подозрениями, довольно скудной информацией, полученной от Кофы, и большим парадным набором угрызений моей совести, которая просыпается крайне редко, зато сразу очень злой и голодной, как медведь-шатун.

Сэр Шурф – человек уникальной выдержки. О его самообладании можно слагать легенды. Но я все равно удивился, что он не запустил в меня каким-нибудь тяжелым предметом сразу после того, как я, подробно описав свои душевные терзания, внезапно исполнился вдохновения и завел эту волынку по новой. А только кротко сказал:

– Да, я уже понял.

Колоссальным усилием воли я заставил себя заткнуться, а он задумчиво уставился в окно. Наверное, наслаждался долгожданной тишиной.

Наконец Шурф сказал:

– Уличное происшествие, свидетелем которого ты случайно стал, и твоя так называемая вина – это две разных проблемы. И рассматривать их следует независимо друг от друга. Не приписывать леди Шиморе заведомо преступные намерения, желая убедить себя, что она осталась такой же отчаянной ведьмой, какой была до изгнания. Но и не игнорировать некоторые подозрительные детали ее поведения, памятуя о собственной необъективности. Когда хочешь разобраться в деле, сперва следует изъять из него личную заинтересованность, которая мешает ясно мыслить и заставляет интерпретировать любые факты выгодным для тебя образом. Прости, что говорю банальности, но иногда об этом приходится напоминать.

Я молча кивнул, потому что был согласен с каждым его словом.

– Что касается поведения леди Шиморы, я бы на твоём месте тоже им заинтересовался, – добавил мой друг. – Любой двусторонний контакт бодрствующего со сновидцем сам по себе довольно любопытное и пока малоизученное явление. К тому же я, как и Абилат, никогда прежде не слышал, что в Суммони, да и вообще где-либо в Уандуке существует традиция исцеления в сновидении. Тем более удивительно утверждение, будто именно с этого там начинается обучение новичков. Вполне допускаю, что леди сказала тебе правду, вернее, просто повторила слова своего наставника, но если так, значит, ее обучал чрезвычайно интересный человек. И, как всегда в подобных случаях, сразу встает вопрос: чему именно ее обучали? И, что еще более важно, каким образом работают эти методы здесь, в Сердце Мира? Каких сюрпризов нам следует ожидать?

Я снова кивнул, поскольку и сам уже успел об этом подумать. Раз триста пятьдесят.

– А что до твоей вины перед леди Шиморой и ее товарищами, прими мои поздравления, сэр Макс. Это настолько нелепо, что ты даже меня сумел удивить. Я привык думать, будто очень неплохо тебя знаю. И твоя сверхъестественная способность устроить драму на пустом месте для меня совсем не секрет. Но что место может оказаться до такой степени пустым, а драма при этом настолько масштабной, я все-таки не предполагал.

– Почему это – на пустом? – удивился я. – По-моему, у меня есть основания...

– Да нет у тебя никаких оснований, – отмахнулся он. – Ладно, если хочешь, давай разбираться по пунктам. Смотри: во-первых, ты сейчас почему-то рассуждаешь так, словно эти молодые люди были отправлены в изгнание исключительно по твоему капризу. Вынужден напомнить: дело обстояло иначе. Они нарушили закон Соединенного Королевства и были наказаны согласно все тому же закону. Это ты, надеюсь, осознаешь?

– Да, но...

– «Да» звучит обнадеживающе, а с «но», будь добр, повремени, пока не дослушаешь. Насколько я помню подробности того дела, первоначально сэр Джуффин намеревался отправить в ссылку всех восьмерых, а ты предложил дать им возможность выбрать между изгнанием и заключением в Холоми. А вовсе не обрек так называемых «бедных детей» во главе с леди Шиморой на многолетние скитания с целью получить возможность издевательски не осведомляться об их делах, как можно подумать, слушая тебя сейчас.

Я уныло кивнул. Дескать, ладно, не обрек. А фигли толку.

– Собственно, все, что ты сделал, – лично вывез их за пределы Угуланда. Как человек, неоднократно путешествовавший в твоём обществе, сомневаюсь, что совместная поездка причинила осужденным непереносимые страдания, нанеся невосполнимый ущерб их психике.

Я невольно улыбнулся.

– Страданий точно не было. Насчет невосполнимого ущерба не так уверен.

– Имеешь в виду что ты им понравился? – усмехнулся мой друг. – Произвел неизгладимое впечатление, потому что смотрел на них как на равных, говорил всякие вдохновляющие вещи и казался человеком, рядом с которым хочется оставаться вечно? От лица всех твоих многочисленных жертв, сэр Макс, уверяю тебя, что с этим вполне можно жить. Причем даже лучше, чем прежде.

Я ошеломленно моргнул. Иных контраргументов у меня пока не было.

– Главный секрет твоего обаяния состоит в том, что ты нас идеализируешь, – сказал Шурф. – И меня, и этих ребят, и вообще всех, кто хоть сколько-нибудь тебя заинтересует. И делаешь это настолько убедительно, что мы тебе верим. И даже отчасти превращаемся в удивительных незнакомцев, великодушно выдуманных тобой ради обретения какого-нибудь дополнительного, одному тебе необходимого смысла. Ну и заодно для того, чтобы было проще с нами уживаться. Поскольку чего-чего, а снисходительности в тебе нет совсем. Что на самом деле только к лучшему. Снисходительность, вопреки общепринятым представлениям, куда большее зло, чем непримиримость.

Контраргументов у меня так и не прибавилось. Поэтому пришлось снова моргнуть. Еще более ошеломленно.

– А чему ты, собственно, так удивляешься? – спросил Шурф. – Ничего нового я тебе не сказал. Ты и сам знаешь, что обычно нравишься людям. Это происходит, в первую очередь, потому, что в твоём присутствии они начинают нравиться себе. Конечно, дети, которых ты увозил в ссылку, смотрели на тебя, как арварохцы на изображения своего Мертвого Бога. Рядом с тобой они ощущали себя настоящими героями, могущественными колдунами, без пяти минут обладателями всех тайн и сокровищ Мира – приятный, возвышающий опыт, который дает хороший настрой, иначе говоря, приносит удачу. Но на тебя эта их естественная реакция не накладывает никаких дополнительных обязательств. Мне казалось, ты это и сам прекрасно понимаешь. Во всяком случае, прежде ты не считал себя обязанным всю жизнь опекать каждого, кому имел неосторожность понравиться.

– Опекать, не опекать, а все-таки время от времени интересоваться их делами мог бы, – вздохнул я.

– Они тоже могли, – пожал плечами мой друг. – Никто не мешал твоим юным приятелям прислать тебе зов и рассказать о своих делах, или попросить совета. Можно сколько угодно оправдываться стеснительностью или опасением показаться назойливыми, но, на мой взгляд, если человек не сделал чего-то настолько простого в исполнении, значит, недостаточно этого хотел. До сих пор ты придерживался сходной позиции. Что это вдруг с тобой стряслось?

– Нннуу... – протянул я. И уже приготовился повторить на бис свои покаянные рассуждения, на три четверти состоящие из скорбных междометий, но Шурф внезапно сменил тему.

– Уандукская магия – очень интересная штука, – задумчиво сказал он. – У нас о ней очень мало знают – прежде всего потому, что не слишком интересуются. Высокомерная уверенность, будто вдали от Сердца Мира ничего интересного происходить не может, имеет власть даже над лучшими из умов; собственно, мне самому понадобилось немало времени, целый хор авторитетных мнений и несколько чрезвычайно вдохновляющих практик, чтобы окончательно избавиться от этого заблуждения.

– Ты это к чему? – насторожился я.

Но Шурф только отмахнулся. Дескать, сейчас сам поймешь.

– Древние кейифайские колдуны, чье наследие лежит в основе современных магических практик Уандука, придавали огромное значение эмоциональной сфере и стремились установить над ней полный контроль. «Глупец стремится к власти над чужим телом, кошельком и умом, мудрец – только к власти над чужим сердцем, ибо сердце приведет с собой и ум, и тело, и кошелек», – так семнадцать тысяч лет назад писал в наставлении сыновьям выдающийся мыслитель и чародей своего времени, предок нынешнего куманского халифа Удара цуан Афия. И, как ты понимаешь, теоретическими рассуждениями он и его коллеги не ограничивались. За минувшие тысячелетия уандукские маги создали неисчислимое множество способов влиять на настроение, чувства и переживания других людей. Собственно, уандукская любовная магия, получившая у нас довольно широкую известность благодаря обостренному интересу

обывателей к этой теме – всего лишь небольшая часть обширной области знаний об устройстве психики человека и приемов, позволяющих сознательно ею управлять.

Я не стал снова спрашивать: «Ты это к чему?» – но если бы умел превращаться в гигантский вопросительный знак, сделал бы это безотлагательно.

– Вынужден признать, что мои познания в уандукской магии крайне поверхностны и ограничены вполне общедоступными сведениями, – сказал сэр Шурф. – Но даже их достаточно для подозрения, что ты стал жертвой одного из чрезвычайно простых и популярных среди жителей Уандука магических приемов, позволяющих манипулировать чувствами собеседника. Например, заставить его испытать внезапную симпатию или, наоборот, необъяснимую неприязнь. Или, как в твоём случае, почувствовать себя виноватым.

– Что? – изумленно переспросил я. – Ты думаешь, Айса меня заколдовала? И я только поэтому переживаю, что забыл о них, как последняя свинья?

– Скажем так, я вполне допускаю, что подобное колдовство могло иметь место. Иного разумного объяснения твоему состоянию я в любом случае не нахожу. Чувство вины никогда не было твоей уязвимой точкой. У тебя другие демоны.

– Прекрасная версия! – обрадовался я. – Хотя я тогда, конечно, выхожу полным придурком: меня заколдовали, а я и не заметил. Но ладно, к этой роли мне не привыкать.

– Не преувеличивай, – сказал мой друг. – Знаю я эти вкрадчивые уандукские приемы. Даже если заранее предполагаешь, что на тебя могут наложить заклятие, все равно ничего не заметишь. Сам так пару раз попадался.

– Ты?! Извини, не верю.

– Дело было довольно давно, – улыбнулся он. – К тому же, никаких зримых последствий эта ворожба не возымела. Я все-таки обучен контролировать свое поведение и не ставить его в непосредственную зависимость от испытываемых чувств, если только сам не решу, что в данный момент это может быть полезно. Ну или просто приятно – иногда это тоже веский аргумент.

– А когда все закончится? Ну, если Айса меня действительно заколдовала. У этих дурацких уандукских заклинаний есть какой-то срок действия?

– Достоверными сведениями на этот счет я не располагаю. Однако, достаточно хорошо зная человеческое устройство, я почти уверен, что срок действия самого заклинания может быть совсем невелик. Не удивлюсь, если оно активно воздействует вообще только в момент произнесения, а все остальное заколдованный делает сам. То есть накручивает себя. Ну или, наоборот, успокаивает, если владеет соответствующей техникой.

– Соответствующей техникой? – обреченно переспросил я. – А твои дыхательные упражнения помогут?

– Разумеется помогут. И дюжины лет не пройдет, как ты выбросишь из головы этот досадный эпизод, – пообещал сэр Шурф.

Некоторое время он с нескрываемым удовольствием разглядывал мою вытянувшуюся физиономию, а потом наконец сжалился и добавил:

– Но есть и более простой способ уладить проблему, причем вне зависимости от того, стал ты жертвой уандукского заклинания или исключительно собственных фантазий. Удивительно, что ты сам до сих пор им не воспользовался.

– Что за способ?

– Поговорить.

– С кем? – растерялся я.

– Ну как – с кем. С людьми, перед которыми ты якобы провинился. Послать зов каждому из них, вежливо попросить прощения за то, что делаешь это с некоторым опозданием, выслушать, что тебе скажут в ответ, и закрыть вопрос.

– Слушай, а почему я до сих пор этого не сделал? – изумленно спросил я.

– Вероятно, потому, что у тебя довольно оригинальное мышление? – предположил Шурф.

Иногда он бывает поразительно великодушен.

– Похоже, мудрая природа создала тебя специально для того, чтобы компенсировать эту мою... эээ... оригинальность, – вздохнул я. – Осталось понять, с какой удивительной целью она создала меня.

– Да нечего тут понимать, – отмахнулся мой друг. – Некоторые вещи природа создает просто так, без какого-то дополнительного практического смысла. Для красоты и разнообразия.

Я рассмеялся – не столько от его слов, сколько от облегчения, охватившего меня так внезапно, словно я и правда все это время был заколдован, а он меня каким-то образом расколдовал.

* * *

Безмолвная речь отличается от обычного разговора тем, что слушать гораздо легче, чем говорить. Строго говоря, не услышать того, кто прислал тебе зов, практически невозможно: если ты в сознании и не спишь, его голос зазвучит у тебя в голове, хочешь ты того или нет. А вот ответить гораздо труднее, для этого требуется и знание специальной техники, и концентрация, и конечно практический опыт. В этом смысле я крайне невыгодно отличаюсь от большинства окружающих, использующих Безмолвную речь с раннего детства – то есть никак не меньше сотни лет. Им кажется, нет ничего проще и естественней таких разговоров на расстоянии, а я до сих пор быстро от них устаю. Но тут ничего не поделаешь, если уж живешь в столице Соединенного Королевства, без этого навыка не обойтись.

По моему опыту, чем ближе ты знаком с адресатом, тем проще послать ему зов. Связаться с человеком, которого видел всего пару раз в жизни, трудней, чем с лучшим другом, но это ни в какое сравнение не идет с усилиями, которые приходится прикладывать, чтобы установить Безмолвный диалог с незнакомцем, которого не знаешь даже в лицо. Несколько раз мне удавалось и такое, но, честно говоря, именно этот подвиг совсем не хотелось бы повторять.

Я шел по вечернему городу и вспоминал ребят, которых когда-то увозил в ссылку. Прикидывал, кто из них тогда впечатлил меня меньше прочих, а значит, и запомнился хуже – вот именно с него и начну, пока не успел устать. Вернее, с нее. С леди Таниты, такой тихой и молчаливой, что я бы, пожалуй, вообще о ней не вспомнил, если бы не разговор с Кофой, добро-совестно перечислившим всех наших бывших изгнанников.

Приняв решение, я огляделся по сторонам, увидел высокое раскидистое дерево вахари, чрезвычайно удачно выросшее в промежутке между двумя жилыми домами – чем не переговорный кабинет? Вскрабкался повыше, чтобы укрыться от случайных взглядов, вдохнул поглубже, зажмурился, как перед прыжком в воду, воспроизвел перед внутренним взором то небольшое, что смог вспомнить о маленькой смуглой тихоне – веселые темные глаза на неулыбчивом лице, кудрявый смоляной завиток над ухом, и как она вдруг сказала в ответ на мое опасение, что без карты я пожалуй завезу их магистры знают куда: «Магистры знают куда – это именно то, что надо!» Ну, в общем, вспомнил даже больше, чем надеялся, облегчил себе задачу, можно и поговорить.

«Хорошего вечера, – сказал я, вернее, подумал, одновременно представляя, как мой голос звучит в голове собеседницы. – Понимаю, что несколько неожиданно, но...»

Я собирался извиниться за беспокойство, объяснить, что возник в ее жизни не по долгу службы, просто решил узнать, как дела, хотя, безусловно, отдаю себе отчет, что сделать это следовало гораздо раньше. Но не успел сказать больше ни слова, потому что в этот момент

мое внутреннее пространство чуть не взорвалось от звонкого девичьего смеха; вот это, кстати, действительно мало кто умеет – транслировать при помощи Безмолвной речи смех.

Ну или просто не хотят.

А потом Танита сказала: «Вы не представляете, как я рада! Здорово, что вы вспомнили обо мне именно сегодня. Вы придете на наше выступление?»

«Выступление?! Будь милосердна, мне надо переварить эту неожиданную информацию».

«Переваривайте! – великодушно разрешила Танита. – А я пока еще раз скажу: как же я рада, что вы вдруг объявились! Добрый знак. Теперь точно все будет отлично».

Ладно, по крайней мере, каяться, что загубил ее молодую жизнь своим невниманием, мне явно не придется. Уже хорошо. С остальным как-нибудь разберемся.

«Ну как, вы уже переварили информацию?» – нетерпеливо спросила она.

«Да, – откликнулся я. – И понял, что ее недостаточно. Что за выступление? Куда надо приходить? И когда?»

«Ой, простите! – воскликнула Танита. – Я думала, вы все сами разузнали и как раз поэтому прислали зов. Мне сейчас кажется, все в городе только о нас и говорят. Что, конечно, неправда, мы же впервые выступаем. На самом деле, если хотя бы пара дюжин друзей и знакомых придет, уже неплохо...»

«О вас – это о ком?»

«О нашем Маленьком оркестре, – наконец объяснила она. – «Маленький» – это название. Нас всего четырнадцать человек. Настоящий оркестр – это обычно три-четыре дюжины музыкантов, или даже больше, но нам столько народу точно не надо... Ох, я что-то не то говорю! Какая вам разница, чего нам надо, а чего нет. Важно совсем другое: у нас сегодня концерт. Самый первый! Мы долго не могли найти подходящее помещение – достаточно большое, бесплатное и при этом не трактир. Уже думали, что придется играть на кладбище Скауба, благо тамошнего сторожа несложно напоить до состояния полного согласия со всем происходящим, но очень удачно познакомились с ребятами, которые арендуют бывшую загородную резиденцию Ордена Потаенной Травы, и они разрешили нам выступить у них во дворе. Знаете, где это?»

«По дороге в Новый Город?»

«Да, именно. Мы начинаем за час до полуночи. Но лучше приходите пораньше, тогда успеете что-нибудь выпить. Во время концерта никаких напитков разносить не будут, это наше обязательное условие... Вы придете?»

«Ну а куда я денусь, – сказал я, предпринимая немыслимые усилия, чтобы собеседница почувствовала, как я улыбаюсь. – Ночной концерт в саду, среди руин. Что я, совсем дурак – такое пропускать?»

«Ура! Только пожалуйста не передумайте и не опаздывайте, ворота запрут ровно за час до полуночи!» – воскликнула Танита. И исчезла из моей головы, предоставив мне возможность перевести дух и в очередной раз строго спросить себя, какого черта я до сих пор не обзавелся часами.

Ответ, впрочем, и так известен: мне лень. И некогда. И неинтересно.

Когда-то, только-только поселившись в Ехо и обзаведясь здесь самой первой квартирой, я добросовестно ходил по всем лавкам Старого Города и с восторгом неопита скупал там все, на что падал мой затуманенный взор. Каждая купленная вещь казалась мне очередным веским доказательством, что все происходит взаправду. Все-таки в галлюцинациях, – думал я тогда, – денег ни за что не требуют, вещи появляются просто так и исчезают, когда им заблагорассудится, а мои покупки до сих пор никуда не делись, стоят на полках, даже запылились немного. Значит, все хорошо.

На самом деле ерунда, конечно. Как показывает опыт великого множества несчастных безумцев, в галлюцинациях чего только не бывает. Но меня эти соображения здорово успока-

ивали, а больше мне в ту пору ничего и не требовалось, только верить: все, что со мной случилось, действительно случилось со мной.

Но мало ли, что было когда-то. Короткая эпоха моего потребительского энтузиазма давно осталась позади, и теперь покупка необходимых вещей представляется мне тяжелой обязанностью, от которой следует уклоняться любой ценой.

Что касается часов, они еще и крайне неудобны в повседневном использовании, поскольку считаются скорее украшением, чем предметом первой необходимости. По моим наблюдениям, почти у всех жителей Ехо прекрасные внутренние хронометры, позволяющие им всегда более-менее безошибочно определять, сколько времени осталось до полудня, полудни, рассвета или заката; на часы никто толком не смотрит. Поэтому их обычно прикалывают к одежде, как брошь, или подвешивают на цепочку и носят на шее, а я этого не люблю.

Правда, если бы я все-таки взял себя в руки и добрался до какой-нибудь ювелирной лавки, никто не помешал бы мне просто таскать часы в кармане. И сейчас я мог бы взглянуть на циферблат и выяснить, скоро ли начнется концерт.

А так пришлось свеситься с дерева и очень громко спросить проходившую мимо немолдую пару: «Будьте любезны, подскажите, сколько осталось до полуночи?»

«Два с четвертью часа», – хором ответили они и, не оглядываясь, продолжили путь.

Что мне действительно нравится в нынешних столичных жителях, так это их невозмутимость. Хоть с дерева вниз головой свисай, хоть по стенам бегай, хоть пламя из ушей изрыгай, хоть с демоном стоголовым по площади Побед Гурига Седьмого в обнимку прогуливайся – бровью не поведут. Быстро привыкли считать разные мелкие эффектные чудеса обычным повседневным фоном, совершенно безопасным и даже отчасти успокаивающим. А ведь с момента окончания Смутных Времен, когда слова «магия» и «опасность» были синонимами, не прошло еще и полутора сотен лет. То есть меньше половины среднего срока обычной человеческой жизни. Поразительный результат.

Глядя вслед удаляющейся парочке, я думал, что времени осталось практически в обрез. И надо бы, пожалуй, зайти домой, переодеться в нечто хотя бы условно приличное. Все-таки не каждый день на концерты хожу. Настолько не каждый, что сегодняшний поход будет первым – если не считать двух посещений оперных спектаклей, которые не произвели на меня особого впечатления. Простые музыканты, время от времени выступающие в трактирах и на городских праздниках, нравились мне гораздо больше. Но все равно не настолько, чтобы специально узнавать, где еще их можно послушать.

Дело, впрочем, не в музыкантах, а во мне самом: на активную культурную жизнь у меня не остается ни времени, ни внимания. А потребность в эстетических впечатлениях целиком удовлетворяется видом, открывающимся с крыши Мохнатого Дома, и прогулками по Темной Стороне. Так что если какое-нибудь культурное явление захочет меня заинтересовать, ему придется свалиться мне на голову и потом еще некоторое время крепко держать за шиворот, чтобы не сбежал по делам.

Вот и сейчас я отправился на концерт Маленького оркестра вовсе не в надежде приобщиться к прекрасному и даже не из любопытства, а только чтобы не огорчать пригласившую меня Таниту. Довольно глупо было бы, убедившись, что она совершенно не обижена моим многолетним невниманием, тут же, не откладывая до завтра, обидеть ее еще раз – теперь уже наверняка.

* * *

Внутренний двор бывшей загородной резиденции Ордена Потаенной Травы я знаю уже много лет и люблю тут бывать. Место это не то чтобы тайное, но все-таки мало кому известное.

Три клиента одновременно по здешним меркам – почти аншлаг. Нечего и говорить, что в моих глазах это неоспоримое достоинство, дополнительный повод приходить сюда почаще.

Трактиром это заведение не назовешь, потому что еду здесь не подают, только напитки. И не в помещении, а прямо в саду, где великое множество укромных мест и расставленных тут и там скамеек. Приходишь, забиваешься в самую гущу какого-нибудь пахучего вечнозеленого кустарника, сидишь в тишине, ощущая себя единственным человеком в Море, и вдруг над самым ухом раздается деликатный вопрос: «Что будете пить?» Сидеть, ничего не заказывая, не то чтобы нельзя, но как-то не принято – грех не отблагодарить хозяев дивного сада за возможность там отдохнуть. Камра у них, честно говоря, ужасная, но все же не настолько, чтобы отказывать себе в удовольствии время от времени сюда возвращаться; впрочем, что касается напитков покрепче, они тут на высоте.

Нынче вечером скамейки вытащили из укромных мест и расставили по периметру скудно освещенной тусклыми садовыми фонарями лужайки, в центре которой пока громоздились разноцветные футляры с инструментами и одиноко сидел мужчина средних лет с длинной, как у сэра Манги косою и большой причудливо изогнутой дудкой. Остальные музыканты и зрители толпились в стороне – разговаривали, жестикулировали, смеялись, бежали обниматься в вошедшими, все они явно были на взводе, воздух звенел от веселого напряжения, и я сразу почувствовал себя в своей тарелке – ну, то есть как на совещании в Доме у Моста, когда стряслось что-то совершенно необъяснимое, и мы, конечно, заранее почти уверены, что справимся, но пока понятия не имеем как.

Поэтому я не слишком удивился, когда у меня на шее повисло человеческое существо неопределенного пола, возраста и рода занятий – в темноте вот так сразу не разберешь. Не то чтобы подобное поведение было в порядке вещей, но я уже не раз замечал, что от большого волнения некоторые люди начинают обниматься с кем попало. Например, со мной.

Самое главное, неведомое существо оказалось достаточно легким, чтобы я мог устоять на ногах. Это оно молодец. Когда даешь себе труд надеть совершенно новое лоохи специально для того, чтобы тебя не сочли официальным делегатом от гильдии портовых нищих и не начали сердобольно совать мелочь, совсем не хочется сразу же извлекать его в мокрой траве. Пару часов спустя – еще куда ни шло.

Спрыгнув наконец с моей шеи, дружелюбное существо оказалось юной девицей с копной кудрявых волос и черными как черешни глазищами на пол-лица. Хотелось бы сказать, что я сразу узнал Таниту, но нет, конечно, я ее не узнал. Просто подумал: логично, если это и есть она.

И угадал.

– Ну все! – воскликнула Танита. – Раз вы пришли, теперь точно будет отлично! Вы приносите удачу.

– Мне сегодня почему-то весь день об этом говорят, – усмехнулся я. И спросил, перейдя на Безмолвную речь: «А это ничего, что я не изменил внешность? Решил, слухи, что я хожу на твои концерты, могут принести пользу. Но вдруг наоборот, всю публику распугаю? Могу сейчас уйти и вернуться с каким-нибудь другим лицом, ты только скажи».

– Да ну, не надо с другим, – вслух сказала Танита. – Кто испугается, сам дурак. А вы, выходит, даже внешность изменять умеете? Везет же! Я несколько раз пробовала, ничего не получилось. Ужасно трудно!

– Везение тут совершенно не при чем. Просто получаться обычно начинает только после нескольких тысяч попыток, – объяснил я, чувствуя себя при этом безнадежно взрослым занудой, вроде сэра Шурфа в его особо вдохновенные минуты. Дожил, называется. Надо бы ему сказать, что скоро он будет свободен от тяжелой повинности поучать все что шевелится и пытается колдовать. Смена подросла.

Танита с досадой поморщилась.

– Тысяч?! Очень жаль! Так я ничему не научусь. У меня времени совсем нет. Все забирают репетиции.

– Да ладно тебе, – улыбнулся я, чудесным образом превратившись из зануды в нормального живого человека. – Если сейчас репетиции – самое главное, пусть будут они. Жизнь длинная. Успеешь еще разным фокусам научиться.

– На самом деле, я тоже так думаю, – легко согласилась она. – Но иногда становится обидно, что нельзя успеть все сразу! Я сейчас побегу, ладно? Через полчаса начинаем, пора всех собирать.

Миг спустя Танита уже была в центре поляны, рядом с одиноко сидящим дудочником и призывно жестикуюлировала, а у меня за спиной раздался вкрадчивый голос: «Что будете пить?»

– Камру, – обреченно сказал я.

Привычка оставаться трезвым во всех мало-мальски неопределенных ситуациях в сочетании с патологической ленью, не позволяющей без крайней нужды применять препятствующее опьянению заклинание, и рассеянностью, благодаря которой отрезвляющие пилюли обречены на вечное заточение в моей спальне – единственном в Море месте, где они совершенно точно никогда никому не понадобятся – лишает меня множества удовольствий, это я и сам осознаю. Но ничего не поделаешь, каждому из нас приходится расплачиваться за бесконечное счастье быть не абстрактным идеальным существом без единой слабости, а всего лишь собой.

Мне еще повезло, я у себя вполне ничего. Можно как-то пережить.

Как бы плоха ни была здешняя камра, но в сочетании с весенним ветром, разносившим по саду звонкие голоса заполнившей его молодежи, из нее получился вполне сносный напиток, с которым приятно сидеть на лавке, смотреть, как постепенно собираются на сцене музыканты и наслаждаться полным отсутствием чужого внимания к моей персоне. То ли я так давно не появлялся в городе в своем обычном виде, что меня наконец-то перестали узнавать, то ли на концерт собралась такая специальная прекрасная публика, которой нет дела до Тайных сыщиков, а также королевских придворных, мятежных магистров, членов Городского Совета, иностранных послов, чудовищных демонов, исторгнутых непознаваемой тьмой, и прочих скучных малопривятных личностей, главное – разглядеть среди новоприбывших своих друзей и докричаться до них, размахивая, руками: «Эй, мы здесь! Идите сюда!»

Ради одного только удовольствия попасть в такую обстановку уже имело смысл сюда приходить.

Я решил воспользоваться паузой, чтобы поговорить с еще одним бывшим изгнанником. Тем, который подался в патологоанатомы – ну, то есть в Мастера Сопровождающие Мертвых, как их принято называть. Меня, конечно, подмывало отложить разговор на неопределенное «завтра», благо от давешних угрызений совести к этому моменту осталась лишь бледная тень. Но все-таки принятые решения лучше осуществлять незамедлительно, а начатые дела доводить до конца. Полезная привычка.

О нем я тоже помнил совсем немного. Только имя – Карвен – испытующий взгляд исподлобья и обаятельную манеру улыбаться краешком рта. Впрочем, чтобы без особых усилий послать зов, более чем достаточно.

«Хорошего вечера...» – начал было я.

«Ура! Все-таки вы меня узнали!»

Несколько секунд спустя он уже сидел рядом и улыбался – не украдкой, как в моих воспоминаниях, а практически до ушей. В сочетании с пластикой хищника и явственным звоном исходящей от него внутренней силы эта простодушная улыбка производила совершенно неизгладимое впечатление. Не знал бы, с кем имею дело, решил бы, что передо мной какой-нибудь удачно замаскировавшийся Старший Магистр очередного мятежного Ордена, а не мальчишка, несколько лет назад случайно влипший в историю с запретным колдовством.

– Нет, – честно сказал я. – Понятия не имел, что ты тоже здесь. Просто ты у меня следующий на очереди.

– На какой очереди? – встревожился он.

– В списке кандидатов на ни к чему не обязывающую светскую беседу. Собирался спросить, как у тебя дела и извиниться, что не сделал этого раньше. Хотя, по идее, мог бы.

– Да ну, чего тут извиняться, – снова заулыбался Карвен. – Дураку ясно, что вы очень заняты. Я к вам даже в Доме у Моста соваться не стал.

– В Доме у Моста? – я всем своим видом изобразил удивление. Не хотел признаваться, что собирал сведения о нем и остальных.

– Ага, – с гордостью подтвердил Карвен. – Я теперь тоже там работаю. Не в полиции, конечно, а у Мастера Скалдуара.

– Сопровождающего Мертвых?! – я добросовестно округлил глаза в надежде, что по-прежнему достаточно убедителен.

– Да, именно. Неожиданно, да? Мне очень повезло!

– Слушай, а разве ты учился на знахаря? – спросил я. Теперь уже с искренним интересом.

– Учился, – кивнул Карвен. – Просто не здесь, а в Суммони. У меня нет знахарского призвания, но... В общем, так сложилось. Нам встретился совершенно потрясающий человек. Бывают люди, у которых все равно чему учиться – хоть лодки строить, хоть сейфы вскрывать, лишь бы какое-то время оставаться рядом и делать, как они.

– Бывают, – со знанием дела подтвердил я.

– Ну вот. А наш знакомый оказался знахарем и был совсем не против взять в ученики настоящих угуландских колдунов, все-таки репутация у нас в тех краях – что надо! Ну и мы решили не упускать шанс узнать что-то совсем новое. Не стану врать, больших успехов в знахарском деле я так и не достиг, но настолько интересно мне еще никогда в жизни не было. И сами, наверное, знаете, как оно бывает: чем больше узнаешь, тем больше появляется вопросов. Как устроен человек, откуда берет силу, необходимую, чтобы жить, почему она в какой-то момент иссякает, и человек умирает? И что случается с нами потом? Есть ли хоть какое-то продолжение для того, кто не стал призраком, и если да, то какое? И как некоторым могущественным колдунам все-таки удастся не умирать? Что это вообще такое – смерть? И как она договаривается с жизнью, что пришла ее очередь? Где-то внутри каждого из нас находится тайная граница, на которой они постоянно ведут переговоры, и жизнь в конце концов уступает. Но не всегда! Значит, в принципе такое возможно? И, может быть, даже для всех? Я теперь не понимаю, как можно всерьез интересоваться чем-то еще, пока нет ответа на все эти вопросы... Наверное, очень наивно звучит?

– Да нет, как раз разумно. Так ты поэтому пошел работать к Скалдуару Ван Дуфунбуху? Чтобы больше узнать про смерть?

– Ну да! – горячо кивнул Карвен. – Лечить, не имея знахарского призвания, я бы не решился. Да и, честно говоря, нет у меня пока такого желания. Сперва я хочу во всем разобраться. И работа у сэра Скалдуара – именно то что надо. Мертвым все равно, есть у меня призвание или нет. Навредить им уже точно нельзя, а научиться рядом с ними можно очень многому. Я думаю, знахари, которые не лечат, а изучают, как все устроено, тоже нужны.

– Еще как, – подтвердил я. – В любом деле нужны люди с ясной головой, а уж в знахарском, где все стоящие практики состоят практически из одного сердца, без хладнокровных теоретиков, по-моему, не обойтись.

– Думаете, у меня получится? – просиял он.

– Понятия не имею. Но этого я и о себе никогда не знаю. И вообще ни о ком. Что у нас получится, а что нет – будущее покажет. Единственное, что можно сделать в таких обстоятельствах – твердо решить, что все уже получилось – где-нибудь, на другом конце Моста Времени. И ломиться туда, сметая все на своем пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.